

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Долина драконов
Книга третья
Магическая сделка

Елена Звёздная
Магическая сделка
Серия «Долина драконов», книга 3
Серия «Звездное Настроение»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37571328
Долина драконов. Книга третья. Магическая сделка:
ISBN 978-5-04-097684-3*

Аннотация

Всегда помни – драконы выполняют свои угрозы, особенно если речь идет о Черном драконе. Всегда знай – попав в спальню Черного дракона, пути назад уже не будет. Но всегда верь, что любовь Главнокомандующего окажется сильнее предрассудков, обычаев и его собственных желаний и ты станешь не просто пленницей, а сердцем правящего дракона. Вот только никогда – никогда! – не соглашайся на сделку, предложенную Черным драконом. Иначе в обмен на спасение своего мира тебе придется научиться любить Правящего дракона.

Елена Звездная

Долина драконов

Книга третья

Магическая сделка

© Звездная Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

В вечном Горлумском лесу полыхало пламя. Оно не было видимым, но жар от него я ощущала всем телом. В нем не было сияния, но оно ослепляло. Для него не было преград и не могло существовать в принципе, но почему-то тихое «Нет» остановило стихию.

– Нет? – с хриплым рыком переспросил Черный дракон.

И пламя всколыхнулось вокруг нас, ломая ветви, превратив окружающее пространство во взвесь из снега, щепок и разреженного лишённого кислорода воздуха.

– Нет?! – прозвучало отдалённым раскатом редкого для зимы грома.

– Нет... – испуганным эхом отозвалась я.

В какой-то момент мне показалось, что Ирэнарн сейчас

оборвет мою жизнь одним ударом покрывшейся черной чешуей руки, но, несмотря на творящееся вокруг нас, несмотря на убийственный прищур его нечеловеческих глаз, дракон не делал ничего. Прижав меня твердым, словно сталь, телом к дереву, он лишь смотрел прямо в глаза, обжигая дыханием губы.

Несколько долгих секунд, несколько ударов моего перепуганного сердца, несколько разбитых в щепки деревьев, сокрушенных той силой, что бушевала вокруг нас, отрезав от всего и всех.

А затем очень злое:

– Госпожа Радович, вы видите, что происходит вокруг?

Я видела, это невозможно было бы не увидеть в принципе, потому что происходило что-то совершенно жуткое.

– Видите? – повторно уточнил Правящий дракон.

– Да, – прошептала еще испуганнее, хотя секунду назад была точно уверена, что испытывать больший страх я уже просто не в состоянии.

– Это ярость, – очень холодно, почти отстраненно произнес Ирэнарн. – Ярость дракона.

С последней фразой всплеск невидимого пламени взметнулся ввысь, поглотив еще несколько могучих деревьев, сокрушил их, разметав в щепки, а затем, перемолов и их, вмещал в ту мельчайшую взвесь, что окружала нас сплошной пеленой.

– Помните, – даже не дрогнув, продолжил Ирэнарн, – я

говорил вам о пламени, которое вы невероятным и приводящим меня в неистовство образом умудрились разжечь?

Я ничего не ответила, не решилась ответить, просто не смогла.

Черный дракон продолжил:

– С каждым разом, – он вдруг придвинулся ближе, заставляя меня вжаться в дерево, – с каждым приступом, – губы Ирэнарна коснулись моих, – пламя ярости разгорается все сильнее. И территория поражения увеличивается пропорционально растущему во мне голоду.

Поцелуй был быстрым и болезненным, но дракон прервал его молниеносно и хрипло выдохнул:

– Я ненавижу и презираю себя за это, но ты нужна мне. Твой взгляд, улыбка, запах твоих волос, звучание голоса необходимы как воздух. Твое тело – как наваждение. Я ощущаю твою кожу ладонью каждый раз, стоит лишь прикрыть глаза. И если бы я горел сам, я бы сгорел молча и гордо, но Гаррат сбежал, я вынужден оставаться в столице, и гордость обращается в пыль, когда случаются очередные разрушения в долине. ТАК ЧТО НЕ СМЕЙ ГОВОРИТЬ МНЕ: «НЕТ»! – хрипло прорычал он.

А затем мягко опустил на снег, позволив соскользнуть вниз, придержал, не давая упасть, и мрачно посмотрел на творящееся вокруг. Смерч не желал утихать. Как зверь, вцепившийся в добычу, он завыл и сгрыз очередное дерево. К счастью, не то, к которому я испуганно прижалась спиной.

– Бояться не имеет смысла – тебя он не тронет, – с какой-то злой обреченностью произнес Ирэнарн, а затем с мрачной усмешкой добавил: – Как, впрочем, и любое иное пламя. Прикройся, я уже достаточно разочаровался в собственном самообладании.

Я поняла, что меня трясет, лишь когда попыталась судорожно сжать края разорванной рубашки. Не удержавшись, бессильно опустилась на снег, совершенно не ощущая холода. Ирэнарн молчал, стоя ко мне спиной и глядя на невидимое пламя, с голодным ревом желающее пожрать весь Горлумский лес. И под его взглядом Ярость дракона становилась слабее, пламя стихало, словно лишенное доступа кислорода, и вокруг нас опадали щепки, смешанные со снегом, да и измельченные практически до его уровня.

Но едва рычание и вой подчиненной стихии утихли, на весь лес раздался рык Гаррата:

– Милада!

И Ирэнарн развернулся ко мне с нечеловеческой скоростью.

Блеск портала настиг почти сразу с осознанием, что меня сейчас убьют, даже без разговоров.

Но уже в следующее мгновение я, как была в сапогах, плаще и разорванной одежде, оказалась сидящей на полу посреди спальни.

И словно набатом в голове прозвучали слова Зэрнура:

«Но вы должны понимать, госпожа Радович, что, войдя в

спальню Черного дракона, уже никогда не покинете ее».

Я поднялась, шатаясь, едва сдерживая слезы, огляделась. Это действительно была спальня. Огромная, сделанная под размеры дракона как в человеческой, так и в естественной форме, но эта комната совершенно не походила на спальню Ирэнарна. Совершенно другой стиль, стены из отполированного, но практически необработанного камня, и нет никакой террасы. Я постояла несколько секунд, затем, подскочив, метнулась к узкому зарешеченному и застекленному окну и замерла. Да, эта комната находилась не во дворце. Дворец, огромный, освещенный огнями, виднелся вдали, располагаясь практически в самом центре Аркалона на храмовой скале, а место, в котором я была сейчас, являлось Крепостью – официальной резиденцией Главнокомандующего.

Я была в спальне! Спальне Черного дракона! Я...

Я сползла на пол, с трудом сдержав рвущийся из груди стон. Почему-то в этот момент перед глазами возник Верес, выпивший медвежьей крови и утративший шанс стать магом. Меня охватил не страх перед будущим, не ожидание и неизбежность появления Ирэнарна, а четкое, накатывающее лавиной ощущение, что я все потеряла. Абсолютно все, к чему стремилась, ради чего жила, что составляло мою жизнь...

Дверь открылась почти бесшумно, но из-за слез я не сразу поняла, кто вошел.

– Ванная там, – мрачно произнес Черный дракон, срывая с себя плащ и принявшись расстегивать мундир. – Могу от-

нести, но не гарантирую, что остановлюсь на этом.

И в этот момент дверь распахнулась снова, являя на пороге взбешенного, частично покрытого чешуей Гаррата.

– Ты!!! – прорычал Владыка Долины драконов.

И был сметен волной взревевшего пламени.

После чего дверь закрылась.

Даже не обернувшись, словно вообще ничего не произошло, Ирэнарн сказал:

– Мне повторить, или ты предпочитаешь заболеть окончательно и испытать на себе «постельный режим» в полном его значении?

Ответить я если бы и смогла, то едва ли успела бы – дверь распахнулась снова. На пороге стоял дракон. Огромный, ощеривший клыки серебристый дракон с пугающими черными провалами глаз и алым, прорывающимся сиянием через серебристые пластины на шее, огнем.

– Ты не посмеешь! – прорычало огнедышащее чудище.

Все также не оборачиваясь и не переходя в трансформацию даже частично, одним движением руки Ирэнарн с силой захлопнул дверь. Получивший по носу Гаррат взревел, но подсветившее дверь алым его пламя было сущей мелочью в сравнении с волной драконьей ярости, которая смела Владыку вместе с частью стены, как иначе можно было объяснить то, что следующий рык разъяренного дракона раздался уже за пределами Крепости.

Мне же молча указали на каменную дверь, которую я и не

заметила вовсе.

Я осталась сидеть на месте, пытаюсь изо всех сил сдержать слезы.

– Я предупредил, – с нескрываемой угрозой произнес Правящий дракон.

За окном рычал и ревел второй, и от его ударов непоколебимая, казалось, Крепость содрогалась до основания. Следующий рев заставил задрожать стекла. Но что-то мне подсказывало – они выдержат: и Крепость, и стекла. Ирэнарн, судя по каменному спокойствию, также это знал, но вот чего он, кажется, не ожидал вовсе, так это раздавшегося за дверью:

– Хорошо, просто скажи, чего ты хочешь. Хочешь, я буду править? Хочешь, я... Рэнарн, я сделаю все, что ты хочешь, слышишь? Абсолютно все, что ты хочешь, только опусти девочку, она здесь не при чем. Она... Пылающий вечный, Рэнарн, не трогай ее!

Главнокомандующий молча развернулся, прошел к двери и, распахнув ее, прислонился плечом к дверному косяку, с холодным равнодушием глядя на брата. Гаррат же выглядел плохо. Обширные следы ударов на плечах, кровоподтек на щеке, израненные, словно он в человеческом, а не драконьем виде бился о стены, руки и взгляд, полный боли.

– Отпусти ее, – произнес он, глядя на Ирэнарна, – пожалуйста.

Черный дракон промолчал, все так же холодно глядя на Владыку. Гаррат же едва держался на ногах и, уперевшись

рукой в стену, хрипло продолжил:

– Я женюсь на Гэндоран, как ты и хотел. Я возьму правление на себя. Я дам клятву на крови... любую, какую пожелаешь. Я сделаю все, что ты хочешь. Только опусти ее.

И он с мольбой посмотрел на брата.

Лицо Черного дракона казалось высеченным из камня – холодным, бесстрастным и равнодушным. Абсолютно равнодушным.

И полный надежды взгляд Гаррата стал меняться – из наполненного мольбой он стал ожесточенным и злым, и с этой бешеной злостью дракон прорычал:

– Это месть, да?

Ирэнарн усмехнулся. Это была странная, почти издевательская усмешка, но при этом складывалось ощущение, что издевается Главнокомандующий скорее над собой... А потому как-то жутко прозвучали его слова:

– Я бы никогда не опустился до мести, Гаррат, это мелко.

– Неужели? – саркастично переспросил Владыка. – А как же ты тогда назовешь вот это?

И он кивком указал на меня.

Несколько секунд Ирэнарн молча смотрел на брата, а затем просто задал вопрос:

– Гаррат, на той поляне в лесу тебе угрожала смертельная опасность?

Владыка молча убрал руку, которой опирался о стену, по-

тер явно ноющее плечо, и нервный взгляд его метнулся с Главнокомандующего на меня.

– Неужели, – издевательски протянул Ирэнарн, – ты начинаешь осознавать?

Гаррат гулко сглотнул, а затем хрипло произнес:

– Так вот почему мое пламя не сожгло ее...

– Что?! – вскинулся Главнокомандующий.

– Я – Гаррат отступил, – я не видел... Иллюзии, я... не смог остановить огонь, я...

Он сделал еще шаг назад и вовсе отскочил, когда из груди Ирэнарна вырвалось:

– Не сумел остановить огонь? Не сумел?!

Черный дракон захлопнул дверь прежде, чем Ярость дракона вырвалась наружу. Постоял, заметно успокаиваясь, а затем хищно метнулся ко мне, подхватив на лету и, стремительно направившись к двери, начал попутно срывать с меня плащ, сапоги, остатки свитера.

– Не надо! Нет, я сама! – попыталась остановить.

Меня не слушали и не слышали.

Распахнув дверь, Черный дракон словно на крыльях все той же ярости слетел вниз по каменным ступеням, рывком содрал с меня рубашку, белье, брюки, полностью игнорируя и мои попытки к сопротивлению, и этику, и мораль. После чего рывком усадил меня в круглую, плохо отесанную каменную, уже заполненную горячей водой чашу, развернулся и исчез в темноте практически полностью погруженного во

мрак подвального помещения.

Я осталась сидеть в воде, ошеломленная осознанием, что он все видел. Вообще ВСЁ! От стыда горели уши, щеки и даже плечи. Меня голой последний раз видела бабушка, и то в далеком детстве. И сейчас стыдно было так, что каждый вдох давался с трудом. Даже просто вдох.

Но дыхание и вовсе остановилось, едва позади раздался едва слышный всплеск и меня обняли, прижав спиной к совершенно обнаженному телу. Мужские руки осторожно и бережно принялись распускать мою косу, у самого виска раздался тихий вопрос:

– Тебе удалось узнать, для чего Воронир натравил экта-принца дета-королевства на жрецов Древуна?

Судорожно выдохнув, попыталась отодвинуться, но мгновенно обхватившая поперек живота рука рывком вернула обратно.

– Я задал вопрос, – коснувшись губами моей щеки, произнес Ирэнарн.

Меня трясло, трясло всем телом, голос не слушался, но я все же попыталась ответить – промолчать оказалось страшнее:

– Ему нужен конфликт между друидами и жрецами Древуна и, как следствие, открытие тайных троп.

Мои волосы тяжелой волной упали на спину, и Черный дракон прижался к ним лбом, шумно вдохнув запах, сжал мои плечи и замер на долгий миг, чтобы в итоге абсолютно

холодным тоном задать следующий вопрос:

– Почему он пустил всех, включая щенков и беременных самок гравосов, в расход?

Я дрожала все сильнее, но все равно ответила:

– Он узнал о том, что вы способны их убивать.

Ирэнарн медленно, откровенно медленно убрал мои волосы со спины, перекинув частично мокрые пряди через плечо, и его пальцы осторожно, едва касаясь, заскользили вниз, словно изучая каждый позвонок.

– П-п-пожалуйста, прекратите. – Лепет вышел до отвращения жалким, но мне было уже все равно.

Дракону – тоже.

Обхватив меня обеими руками, он прижал к себе, вжимая почти болезненно, губы, обжигая горячим дыханием, скользнули по шее, и, проведя языком по мочке уха, Ирэнарн хрипло выдохнул:

– Если бы я мог.

Но поцелуи прекратились. И теперь он только обнимал, прижав к себе и уткнувшись лбом в мое плечо. Секунду, вторую, третью слышалось тяжелое хриплое дыхание дракона, который, кажется, дышал мной.

Еще несколько секунд, а затем Ирэнарн произнес:

– Я не хочу принуждать. У тебя сутки, чтобы ко мне привыкнуть.

И, отпустив меня, Черный дракон покинул каменную чашу даже быстрее, чем я метнулась в сторону, едва появилась

возможность сделать это. И, прижавшись к теплому камню, я, обняв себя за плечи и подтянув колени к подбородку, не поднимая головы, спросила:

– А что произойдет через сутки?

И получила холодный ответ:

– То, на что я имел полное право еще на развалинах древнего храма в вашем прогнившем университете.

Уткнувшись лбом в колени, я ничего не сказала. Мне просто нечего было сказать. В целом нечего. У драконов действительно было право абсолютно на все, к примеру, сжечь весь УМ вместе с Любережью дотла, когда вскрылась история с пыльцой мишника. Или даже до нее... Это у меня не было права даже сказать: «нет», а драконы могли позволить себе все, что угодно. И от этого было так горько.

– Гхарарг приготовил ужин. Поторопись, – раздался приказ сверху.

Я несколько раз умылась, унимая слезы, затем огляделась и увидела рядом на очередном камне полотенце и сложенную для меня одежду – темно-зеленое, расшитое золотыми цветами платье с золотой каймой по вороту, центральному шву с застежками и рукавам.

Когда я его надела, оно оказалось велико, и если спереди разрез еще позволял хоть как-то шагать, то сзади платье волочилось. Мелькнула мысль, что это платье бывшей невесты Владыки, но нет – в кармане обнаружился гномий сертификат на гарантию от износа и прочих деструктивных для

ткани факторов. С тканевых туфель и вовсе пришлось снимать печать, и вот они как раз были мне по размеру. Еще из одежды обнаружился пояс. Широкий, ладони в две шириной, и очень длинный. Я не была уверена, что повязала его правильно, но намотала как смогла на талию. Расчесаться было нечем – собрала волосы в косу, с тоской посмотрела в сторону моей разорванной в клочья одежды и начала подниматься вверх по лестнице.

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой... и вроде идешь вверх, но почему-то такое ощущение, что падаешь в пропасть.

Я останавливалась несколько раз, снова, снова и снова напоминая себе, что мою жизнь этот дракон как минимум три раза спас, а как максимум имеет на нее полное право. Я напоминала себе об этом, снова шла вверх и снова останавливалась.

В какой-то момент сделать следующий шаг я просто не смогла.

Вопреки всем доводам разума, вопреки осознанию ситуации... не смогла. Я не Верес. Это он смог выпить медвежью кровь, понимая, что иного выхода нет, а я не могла подняться наверх, даже четко зная, что других вариантов не существует.

И тут сверху раздалось:

– Мне уже даже интересно стало – можно ли в принципе подниматься медленнее, чем ты сейчас это делаешь?

Я в данный момент не поднималась, я просто стояла.

– Протест? – язвительно поинтересовался Черный дракон.

И тут же произнес: – Вы умная девушка, Милада, вы же отчетливо осознаете, что любая попытка бессмысленна.

Осознавала, да. Отчетливо, тоже да.

И я шагнула вверх с четким ощущением, что падаю вниз.

* * *

В новой спальне Главнокомандующего стало больше света. Тысячи огоньков, словно срезанные прямо со свечей фитильки, порхали по стенам и потолку, освещали камин в углублении, закрытые каменными ставнями окна.

– Повернись, – приказал дракон.

И гребень осторожно коснулся моей косы, расплетая, расчёсывая и одновременно высушивая прядь за прядью, до тех пор, пока все волосы не опали водопадом по спине.

– Теперь лицом ко мне, – раздался следующий приказ.

Безвольная ладонь в твердой руке и последовавшие одно за другим золотые кольца на каждый из пальцев, после массивный браслет на запястье. Вторую руку ожидала та же участь. Золотую цепочку с кулоном в виде оскалившего пасть дракона Главнокомандующему не пришлось даже застёгивать – он лишь поднес ее на раскрытой ладони к моей груди, и цепочка ожила, змеей метнувшись вверх, обвив шею и спаяв концы на том месте, которое закрыл кулон.

Но это было еще не все.

Присев передо мной, дракон защелкнул ножной браслет сначала на правой ноге, затем на левой. После, поднявшись, осторожно надел золотую цепочку и на волосы.

Отступил на шаг, осматривая деяния рук своих.

Я не видела лица Черного дракона, глядя в пол перед собой, но его взгляд почувствовала отчетливо.

– Это... надолго? – спросила, подняв руки и указывая на золото.

– Навсегда, – холодно ответил он.

Затем, не спрашивая и не предлагая, властно взял за руку и повел к двери.

Уже за ней, когда я через силу шла по темному мрачному каменному коридору, все так же холодно пояснил:

– Золото олицетворяет власть. Конкретно этот оттенок золота – мою власть.

Черный дракон уверенно вел меня вперед, а я просто пыталась понять:

– Значит, все это было изготовлено давно?

Его взгляд я почувствовала, но лишь опустила голову ниже.

– В тот день, когда вы, отказавшись от помощи Зэрнура, отправились на свидание с дознавателем, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ничем хорошим это не закончится.

Я невольно споткнулась, но упасть мне не дали, и мы продолжили куда-то все так же сосредоточенно идти. Я, пытаю-

щаяся не разреветься от отчаяния, и Черный дракон, которому этот выход почему-то тоже не доставлял особого удовольствия, как минимум, если судить по резким шагам.

Он остановил меня перед огромными, рассчитанными на драконий размер деревянными, окованными черным железом дверьми, развернул к себе, жестко ухватив за подбородок, вздернул мое лицо и, едва наши глаза встретились, холодно произнес:

– Не вижу поводов для страданий. Я спас тебя от Воронира, уберег от выгорания, оградил от Энроэ, и опустим тот факт, что в Горлумском лесу мне пришлось повторно спасать тебя, благодаря чему Воронир скрылся в очередной раз.

Я промолчала, но мне очень хотелось сказать, что если уж и начать считаться, то Воронир спас меня первым. Именно спас – деревенские убили бы, назвав ведьмой... А может, и нет, от нашей деревни до Горлумского леса недалеко, может, меня бы отдали жрецам Древуна, те наделенных силой растят в свободе, пить или не пить медвежью кровь каждый выбирает сам, так что...

– Ты с чем-то не согласна? – почти издевательски поинтересовался дракон.

Молча отвела взгляд, сжав губы, и промолчала. Хотелось бы ответить, хотелось бы многое сказать, но один неоспоримый аргумент у дракона был – после применения заклинания Аградоно не выживают. И как бы я ко всему происходящему ни относилась, но одного факта было не оспорить –

если бы не Главнокомандующий Драконьей долины, последнее, что я ощутила бы в своей жизни, – боль от сотен укусов убивающих меня змей.

– Успокойся, – мягко произнёс Ирэнарн, – самое худшее в твоей жизни уже произошло, а все проблемы отныне буду решать я. Поверь, ты очень быстро оценишь выгоды своего положения.

И прикоснулся к дверям.

Этого прикосновения было достаточно для того, чтобы створки распахнулись, открывая моему затуманенному слезами взгляду уютный, освещенный сотнями фиолетовых свечей и яркими факелами зал, длинный широкий дубовый стол, заставленный золотыми блюдами, поднявшихся при нашем появлении драконов в человеческом облике, среди которых как минимум двоих я знала – Зэрнура и Гхарарга, остальных едва ли могла припомнить, хотя, кажется, тоже видела... тогда, на кухне замка Правящих драконов... обсуждающих меня и мои отношения с Главнокомандующим.

Больше я ни на кого не смотрела.

– Ир-ханы, – торжественно сказал Черный дракон, – моя наири.

Я ощутила, как с ресниц сорвались две слезинки, и отрешенно проследила за их падением на платье.

Ирэнарн же продолжил:

– Вы все связаны кровной клятвой со мной и отныне с моей наири.

Смысл сказанного дошел не сразу, но я не успела до конца понять услышанное, как Главнокомандующий сообщил последнюю новость на сегодня:

– С этого дня Крепость заблокирована для всех, кто не связан со мной кровно-клятвенными узами.

«Вы должны понимать, госпожа Радович, что, войдя в спальню Черного дракона, уже никогда не покинете ее», – прозвучало в моей голове. Я пошатнулась, но Главнокомандующий удержал крепко и властно, затем подвел к столу, усадил, надавив на плечи, пододвинул мой стул ближе к столешнице, затем сел сам на стул рядом.

Лишь после этого опустились на свои места драконы.

Обстановка была мрачной, даже более чем мрачной. Я не видела никого, опустив голову и изо всех сил пытаюсь не расплакаться, драконов, кажется, подобный поворот событий тоже не устраивал.

И Зэрнур подтвердил мое предположение, когда в напряженной тишине позвучало его негромкое:

– Если Владыка откажется продолжить род, то совершить полет с Гэндоран придется вам, Правящий.

– Мне это известно! – ледяным тоном ответил Ирэнарн.

Но Зэрнур, помолчав несколько секунд, все же продолжил:

– Ни одна драконица не потерпит... – Бронзовый дракон оборвал себя на полуслове и нервно выговорил: – Ей придется смириться, не так ли?

– К чему риторические вопросы? – раздраженно спросил Черный дракон.

Видимо, ни к чему, потому что после его слов все молчали.

Недолго.

– Ваша наири не может сдержать слез, и все мы видим, что это не от радости! – обвиняюще произнес кто-то из драконов.

И к осознанию ситуации добавилось еще и жгучее чувство стыда.

Но больше не прозвучало ничего. И я поняла, что более никто не решился возразить Главнокомандующему.

Я не могла осуждать их за это, я и сама возразить не посмела.

Спустя несколько напряженных секунд зазвенели столовые приборы, полилось вино, наполняя кубки. Судя по звукам, наполнили и мой, затем вновь зал наполнила тишина, после чего мне в руки вложили бокал и Ирэнарн провозгласил:

– За нас!

И все драконы поднялись, собираясь выпить этот тост стоя.

Я не стала. Ни подниматься, ни пить. Молча, все так же не поднимая головы, поставила стакан на стол, отодвинув от себя подальше.

– Милада! – прозвучало почти угрожающе.

Отвернулась и посмотрела на пол. Пол был каменным, как и все здесь. Камень ржаво-серого цвета, разрезанный на ровные плиты, на какой-то момент стал неясным и нечетким, но затем слезы соскользнули с ресниц, и я снова могла безразлично смотреть на его природный рисунок.

– За мою наири! – словно выносил приговор, а не провозглашал тост, произнес Главнокомандующий.

И рисунок камня вновь стал размытым и нечетким.

А драконы, выпив, сели и принялись за ужин, проходивший в атмосфере тягостного молчания. Тяжелого, гнетущего, напряженного молчания.

Молчания, в котором вдруг отчетливо слышался нарастающий звук возмущенных голосов и рык, потрясший всю Крепость до основания: «Я древний!»

Вздрагнув, я подняла голову и посмотрела на боковую дверь, ведущую из зала, за которой, как мне показалось, и были слышны голоса. Причем не только Асур-Ррата.

– Моя внучка! – раздался вдруг возмущенный крик, от которого по стенам затрепетали факелы.

Эта «бабушка» была мне совершенно не знакома. В смысле, я вообще никогда не слышала о бабушках с таким тембром и силой голоса, но новая родственница явно очень-очень-очень хотела меня видеть, настолько, что второй крик загасил половину свечей в зале.

Я мельком посмотрела на Ирэнарна и вздрогнула – внушительный золотой кубок в его руке оказался смят, хуже то-

го – шипел и плавился, золото стекало на стол сверкающей лужицей.

– Он подписал бумаги, – с каким-то мрачным удовлетворением произнес Зэрнур, отсалютовал мне и выпил свой бокал до дна.

Главнокомандующий посмотрел на Бронзового дракона так, что тот закашлялся, видимо, не в то горло попало вино.

А Ирэнарн откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и с ожесточенной решимостью приказал кому-то в пустоту:

– Открой.

Послышался грохот снесенных где-то в глубине Крепости ворот, а затем распахнулись тяжелые двустворчатые двери бокового входа, и в зал стремительно вошел Асур-Ррат в своей истинной форме. За ним в помещение влетела маленькая совершенно седая старушка в белом драконьем платье, а после решительным шагом вошел Гаррат. Но, несмотря на статус действующего Владыки долины, он не произнес ни слова, предоставив своим спутникам возможность говорить первыми.

Асур-Ррата такие мелочи, как оглядка на спутников, не интересовала вовсе, и первый вопрос, который он задал, был адресован мне:

– Ты подарок с золотой лентой брала?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда я не понял, это вот все что за дела? – возмутился

древний. – И на каком основании ты не отправила этого извращенца пешим строем по лесам и весям?!

Прозвучало грубо, настолько, что все присутствующие драконы подобрались, как-то разом напомним, что они все-таки боевые.

Но все молчали, и так как вопрос снова был ко мне, я и ответила:

– На том основании, что Главнокомандующий спас мою жизнь... упустив из-за этого магистра Воронира... – Последние слова дались мне с трудом.

В груди болезненно сжалось сердце... ровно до слов Асур-Ррата:

– В таком случае я требую немедленной свадьбы!

После чего обернулся к драконьей бабушке и сообщил ей:

– Вообще, что за дела? Меня она спасла? Спасла. Теперь пусть берет под покровительство, раз у нас в Долине нынче такие законы.

Бабуля поправила белые пряди растрепавшихся из пучка волос, прищурилась, размышляя, после чего заметила:

– И то правда. Тебя-то она первым спасла. Стало быть, сейчас всем родом скинемся тебе на золотишко, будем делать из тебя наири. – Она скорбно вздохнула и протянула: – А что?.. Раз такой закон имеется – надо следовать.

Шокированными после этих слов стали всего двое – я и Гаррат. Древний и, похоже, моя новая бабушка выглядели невозмутимыми донельзя, боевые драконы подобрались

сильнее прежнего, на Черного дракона я не смотрела вовсе, а вот с Владыкой мы удивленно переглянулись.

– Так, стоп, – возмутился Гаррат, – мы так не договаривались.

– А это неважно, – беззаботно откликнулась бабушка.

– Что значит «неважно»? – разозлился Владыка. – У нас был договор!

– А у меня склероз. – Драконица умудрилась беззубо улыбнуться, хотя зубы у нее точно все были на месте. – Старая уже, ничего не помню.

– Да и я не молод, – поддакнул Асур-Ррат. – Древние мы, что тут сказать.

У Гаррата рот приоткрылся и с клацающим звуком захлопнулся. И да – ему нашлось, что сказать:

– Жулье престарелое!

После чего, едва не сплюнув с досады, с вызовом заявил:

– В общем, так – бумаги на удочерение я подписал. Глава рода Миладу приняла.

И тут Главнокомандующий произнес с нескрываемой насмешкой:

– Как я понимаю, ты даже взял на себя труд слетать в другой конец Долины за этой самой главой.

У Гаррата дернулся глаз, но, расправив плечи, Владыка холодно заметил:

– Это все не важно. Важен результат. А в результате ты, Рэнарн, пытаешься присвоить себе дочь уважаемого древне-

го рода! Что является нарушением всех традиций и законов Долины! А Вкусня... А Милада не вещь! И даже уже не чело-вечка! Она дракон! По характеру, сути, семье и роду! И она проводник – светлая душа, пробудившая древнего! И будь она драконицей, ты не посмел бы даже косо взглянуть в ее сторону! А она человек, и ты решил, что все можно, да?

И все посмотрели на Ирэнарна-Ррат-Эгиатара, великого Черного дракона, который спокойно взирал на брата, а вот ответил с издевкой:

– Ну почему же «пытаешься присвоить»? Я не пытаюсь, Гаррат, я присвоил.

И Владыка окаменел, только абсолютно черные глаза с серебристым вертикальным зрачком мерцали яростью.

– Это незаконно! Против всех правил этики, морали и справедливости! – прошипел Асур-Ррат.

Главкомандующий медленно перевел взгляд на него и с плохо скрываемой злостью спросил:

– А где же ты был, древний, со всеми своими правилами этики, морали и справедливости, когда я молил ваш Совет древних о помощи?!

Асур-Ррат промолчал, черты его лица застыли.

– И почему же ты, древний, – продолжил Ирэнарн, – пробудившись, не счел нужным даже не то чтобы помочь, а хотя бы намекнуть на ту маленькую деталь, которую вы, древние, подло скрыли, дабы сохранить за собой позиции единственных целителей.

И Красный дракон опустил глаза.

Всего на мгновение, уже в следующее он прямо посмотрел на Главнокомандующего и хрипло, стараясь не замечать стоящего тут же Владыку, ответил:

– Мы сочли это верным. Мы видели беспечность и безответственность Гаррата-Ррат-Эгиатара, мы знали о его пороках, лени, отсутствии даже желания думать о последствиях своих решений. Совет древних принял решение устранить Старшего Правящего дракона, Воронир удачно подвернулся под руку, мы... – Древний запнулся на миг, но затем уверенно проговорил: – Мы приняли единственно правильное во всех смыслах решение. Мы поступили так, как сочли нужным, мы...

– Вы мне солгали! – зло перебил его Ирэнарн. – Вы подло лгали мне пять лет! И вся ваша ложь о «новой, измененной, не подвластной вашей магии Серой гнили» вскрылась три месяца назад, когда было обнаружено заражение стражей границ, которых вы же успешно излечили за считанные минуты. – Он вновь откинулся на спинку стула и холодно спросил: – Исключительно из любопытства – вы, древние, действительно полагали, что я не сравню образцы плесени?

Максимально выпрямив спину, Асур-Ррат холодно повторил:

– Мы поступили так, как сочли нужным.

Ирэнарн сдержал глухое рычание, которое расслышала, кажется, лишь я, и ледяным тоном ответил:

– Вот и я поступаю так, как счел нужным.

Я видела, как багрово-алым светом вспыхнули глаза древнего. Вспыхнули и погасли. Видимо, ему больше нечего было сказать. Зато бабушка молчать не стала:

– Так, а Миладушка тут при чем? – деловито спросила она.

Спросить что-либо еще она не успела, Черный дракон холодно задал вопрос:

– Уважаемая халоне Осаимо, до принятия решения на основании права главы рода Кириито вам доводилось лично знать госпожу Миладу Радович?

Вопрос повис без ответа.

Он словно действительно повис, разом лишив сил драконицу, Асур-Ррата и даже Владыку. Главнокомандующий же продолжал пристально смотреть, молча требуя ответа.

– Нет, – с трудом, через силу, произнесла драконица.

– Весь ваш фарс с удочерением – незаконен! – вымораживающим даже тень возникшей надежды тоном вынес вердикт Правящий дракон.

Пожилая драконица пошатнулась, ее голова и плечи опустились, Асур-Ррат так же стоял, опустив взгляд, Гаррат нервно смотрел то на нее, то на Красного дракона, ожидая от них хоть каких-то действий, хоть чего-то, хоть...

– Я вас не задерживаю! – холодно сообщил Ирэнарн.

Ни Гаррат, ни древний даже не пошевелились, но халоне Осаимо повернулась, медленно, с трудом переставляя но-

ги, понуро направилась к выходу. Я дернулась ей помочь, но Главнокомандующий удержал на месте, не позволяя даже подняться.

И тут за дверью, где, как оказалось, главу рода ждали, раздался голос Камали:

– Что?!

А затем окрик Хатора:

– Камали, стой!

Но драконица не подчинилась. Каким-то образом она извернулась, избежав захвата, как оказалось, стоящей у двери стражи, вбежала в зал, остановилась, мельком глянула на меня, а затем медленно, неотрывно глядя на Главнокомандующего, опустилась на колени.

Все сидящие за столом боевые драконы мгновенно вскочили, в зал вбежал Хатор, следом еще какие-то драконы, но Камали даже не обернулась. С мольбой глядя на застывшего Черного дракона, она прошептала:

– Пожалуйста, я умоляю вас... Вы никогда не были ни подлым, ни бесчестным. Вы не обижали слабых, не лишали свободы невиновных, не ломали ничью жизнь... Не ломайте и сейчас, я прошу вас! Ни ее жизнь, ни мою, ведь я не смогу жить, зная, как поступили с моим ребенком. Пожалуйста... я молю вас как мать, готовая отдать жизнь за своего ребенка, а Милада мой ребенок... пожалуйста...

Несколько секунд Ирэнарн-Ррат-Эгиатар сидел, практически с ненавистью глядя на драконицу, которая не требова-

ла, не предъявляла права, не настаивала, лишь просила, забыв о гордости и надеясь на милосердие. Из прекрасных зеленых глаз Камали текли слезы, но она даже не пыталась их вытереть, продолжая с мольбой неотрывно смотреть на Черного дракона. Я не смогла сдержать слез с момента появления Камали, а уж после ее слов... Но на Главнокомандующего я даже не смотрела, отчетливо видя, как на его руке, лежащей поверх стола, стремительно прорезаются черные когти, кроша и кромсая обожженное дерево...

Несколько долгих секунд...

А затем плевком ярости прозвучало:

– Зззабирай!

Оглушенная, я даже не вздрогнула, когда с грохотом свалился его стул. С заторможенностью проследила за тем, как рухнул кусок выломанного Главнокомандующим стола, который дракон в ярости стряхнул со своей руки. Оглушающим грохотом пронесся шум закрытой за вышедшим драконом двери, которая тоже сломалась и жалко повисла на петлях, грозя оборваться.

Но того, как она упала, я уже не увидела – подбежавшая испуганная Камали подняла меня со стула и потащила прочь. Затем Хатор торопливо подхватил на руки, как ребенка.

Из Крепости мы неслись так, словно все здание собиралось вот-вот разрушиться.

На выходе из резиденции Главнокомандующего нас, как оказалось, ждали.

– На восток? – поинтересовался огромный воздушник.

– И быстро, – взмолилась Камали.

Подхваченные ветром, мы понеслись прочь от Крепости, прочь из города, все дальше и дальше, по горам, лесам и долинам. Но, обхватив Хатора за шею, я все смотрела назад, и почему-то, несмотря на то что даже Аркалона давно не было видно, мне все еще казалось, что я вижу окно Крепости и вижу взгляд стоящего за ним Ирэнарна.

* * *

Дом халоне Осаимо, или, как называли ее домашние, бабушки Осаи, я запомнила плохо.

Камали провела меня по нему, пытаясь что-то постоянно рассказывать, какие-то истории из детства, из детства ее детей, несколько семейных легенд, представляла каких-то драконов и дракониц – я почти не слушала.

Очень порадовало, когда, приведя меня в купальню с одной деревянной круглой ванной посередине, Камали остервенело принялась снимать с меня все украшения, отшвыривая так, что становилось ясно – будь ее воля, она бы все эти кольца и браслеты порвала и изломала.

Не снялась только цепочка.

Драконица пыталась найти замочек, не найдя, предприняла попытку снять украшение через голову, когда не получилось – растянуть. Не вышло и это – буквально перегрызть.

Несколько минут, пока она это делала, я молчала, а потом как-то изнутри вырвалось тихое:

– Мама...

И Камали, бросив цепочку, обняла меня, прижала к себе и, расплакавшись, прошептала:

– Все будет хорошо, солнышко, все будет хорошо, главное, что успели. А Стража мы снимем, все равно снимем, не так, значит, по-другому, главное, не сдаваться, главное... И у нас же древний есть. Сам не справится, я весь Совет на уши поставлю! Я им устрою!

Мама что-то еще говорила, крепко обнимая меня и гладя по спутавшимся за время полета в воздушнике волосам, и меня медленно отпускало чувство обреченности. Но почему-то казалось, что где-то внутри, в самой глубине души, я до сих пор чувствую взгляд Черного дракона, и в нем нет ничего, кроме мучительной боли.

* * *

Повторно с домом бабушки Осаи я знакомилась уже утром. Вообще, она приходилась пра-прабабушкой Хатору, и даже сложно сказать, кем мне, но в ее светло-голубых драконьих глазах, кажется, навеки поселилось безграничное уважение к Камали. Как и в глазах остальных членов рода Кириито... теперь моего рода.

Поверить в это было сложно, принять – еще сложнее,

окончательно трудно оказалось столкнуться с призрачным драконом-прародителем. Но стоило мне выйти на террасу, украшенную изразцами, где собралось драконов пятьдесят, не меньше, как рядом с бабушкой Осаи возник призрачный мужчина в традиционном черном халате и с длинными, практически до середины спины, черными волосами, прибранными лишь наверху. И когда он возник, зашумевшие при моем появлении члены рода притихли, напряженно глядя на призрака. А он, отцовским жестом погладив бабушку Осаи по седым волосам, медленно подошел ко мне, пристально разглядывая, и остановился, лишь когда Камали решительно заступила ему дорогу, прикрыв меня собой.

И под сводами родового дома раздался глухой потусторонний голос: «Камали, Страж на ее шее говорит даже больше, чем весь опыт предков».

Мама вздернула подбородок, с вызовом глядя на призрака. Дракон укоризненно покачал головой и сказал: «Ты выиграла время, но не битву. Знай это. И прими».

И он растворился, став призрачным темным дымом, который сдул древний. Маленький, толстопузый и вредный древний, который опять принял привычный мне вид и, наплевав на присутствующих и в целом обстановку, нагло спросил:

– Мой пирожок сгрызла?

– Да! – подхватила я. – Спасибо! Огромное! Я же браслетик смогла найти! И мой резерв увеличился! И...

– Во-о-от! – торжествующе подняв указательный палец

и обеда всех не менее торжествующим взглядом, заявил древний. – Кто Миладке больше всех помог? Я помог! А вы говорите!

И тут какой-то из незнакомых мне драконов, приподнявшись из-за стола, прорычал:

– Да ты ей брачный браслет Черного дракона приволок! Да ты...

– Я хотел как лучше! – возмутился древний.

– Хватит! – прикрикнула на всех бабушка Осаи и, поковыляв к столу, тихо произнесла: – Папа правду сказал – если бы не по нраву ему была, браслет бы не застегнулся. А вот чего я не знала, так это того, что наири она в нашем роду не первая.

И бабушка тяжело опустилась на стул, устало прикрыла глаза рукой и вообще едва слышно произнесла:

– Роды были тяжелыми, а когда древние поняли, что не доживет до утра, только тогда отец маму на руках взял в полет. Она умерла женой, я стала законной дочерью.

Бабушка вытерла глаза от набежавших слез и продолжила:

– Не говорил. Никогда не говорил. Я не знала. А он жил как в тумане, я для папы единственной радостью была, и когда счастье свое нашла и замуж вышла, он кинулся со скалы, сложив крылья. Без мамы не смог.

Мы стояли как громом пораженные, даже древний приоткрыл рот от удивления, а бабушка Осаи достала платок, вытерла глаза и решительно сказала:

– Ну да дела давно минувших лет, пустое вспоминать и печалиться. Я свою жизнь прожила с добром и светом, до последней минуты жизни моего Айсура любила его всем сердцем, оттого и дети у нас славные – шестеро сыновей, три дочери, – при ее словах девять уже седовласых драконов заулыбались, – внуков двадцать девять, правнуков пятьдесят два, а вот пра-пра-правнучек сегодня стало на одну больше! И я рада тому, что род растет! И что сегодня в моем доме появилась новая драконица, пусть не по рождению, но по силе, смелости и великодушию!

И все захлопали, раздались непонятные мне пожелания на древнем языке драконов, а мама провела меня мимо всех к двум свободным местам возле Хатора, усадила посередине между собой и папой и только после села, с трудом скрывая волнение.

– Беспокоит тебя что-то, Камали? – через весь стол спросила бабушка Осаи.

Мама глянула на нее так, что стало ясно – этот вопрос она при всех обсуждать не готова. И глава рода спорить не стала, зато, едва я чай взяла, сообщила:

– Я-то вчера, спасибо друг любезный научил, – она чуть склонила голову, благодаря мгновенно преисполнившегося значимости сидящего рядом с ней древнего, – Владыке на подпись подсунула не только документы на удочерение, но право вылета тебе, Хатор, и всей твоей семье. А по утру пришел ответ на запрос из Академии Ветра. Эмали, девоч-

ка, сразу видно, что нашего рода, подсуежилась и уговорила халоне Миретана дать Миладе шанс сдать экзамены. А если принесет бумаги из университета своего, возможно, даже сможет сразу на второй курс поступить, тут уж от нее зависит.

Я застыла, держа в руках чашку.

– Так что, – продолжила бабушка Осаи, – заниматься девочка может начинать уже сейчас, Эмали передала все учебники и даже конспекты свои, а как оклемается немного, слетаете вдвоем в Любережь, документы ее заберете и будем подаваться в Академию.

Новости ошеломляли.

– Милада, что? – встревожилась Камали. – Не хочешь в Академию Ветра? В Долине двенадцать магических высших учебных заведений, выберешь, что понравится, просто девочки хотели присмотреть за тобой, хотя бы пока доучиваются. Но, если...

– Нет-нет, – я улыбнулась маме, – просто все неожиданно очень, но я рада, правда, даже не верится, что в Академию...

Я не договорила, вдруг четко осознав – в наш университет я не пущу ни Камали, ни Хатора. Они не боевые драконы, для них опасно там, я не знаю, сколько мишника еще в подвалах университета припрятано, и грассы...

Вот тут меня как водой холодной окатило – грассы. Голод! Отставив чашку, быстро посчитала – кормить Голода я должна была пять дней, пять дней прошли? И достаточно ли

их было?

Я поднялась, не допив чай, заметалась по террасе, высчитывая... Профессор Нарски говорила о пяти днях. Два дня я кормила грасса в университете, на третий мы покинули УМ. В первый день путешествия столкнулись с мертвой древней, ночь провели на порубежном пункте, на второй день приехали в Медведково, а ночью меня забрал Черный дракон.

Сегодня пятый день!

Голод голодный!

Со вчерашнего вечера!

– Милада? – Хатор поднялся. – Что случилось?

– Я грасса не покормила, – ответила с ужасом.

На меня посмотрели с непониманием.

– Грасса? – переспросил древний. – А это что за зверь такой?

– Пес, – ответила, холодея, – невидимый.

Драконы посмотрели на меня странно.

– Магически модифицированное животное, – пояснила я.

Все тут же закивали, мол, вот теперь-то они все поняли.

– И чего пес? – переспросила бабушка Осаи. – Животное, оно на то и животное, чтобы самого себя прокормить в случае чего. Так что садись, сама поешь, со вчера ведь ничего не съела.

Но у меня бы кусок в горло не полез, зная, что грасс там голодный.

– Асур-Ррат, – я с мольбой посмотрела на древнего, – мне нужно к Владыке.

Все драконы разом повернулись к древнему, но тот, жуя пирожок, посмеиваясь, сообщил:

– К Владыке никак, он под домашним арестом.

– Что? – переспросила потрясенно.

– Под арестом, говорю, – забросив новый пирожок в пасть, пояснил Асур-Ррат! – Главнокомандующий если чего решил, он от своего не отступится – вчера решил запереть кого-нибудь, и точка, а раз тебя не вышло, Владыку запер.

Информация, похоже, для всех была неожиданной, потому что весь род как-то даже притих, и только древний, беззаботно поедая пирожок за пирожком, продолжал невозмутимо рассказывать:

– Черный вчера как с цепи сорвался. Крепость в руинах – сегодня отстраивают, а ведь лет девятьсот стояла монолитом. Вообще, Крепость исторически находилась вне черты Аркалона, но город разросся, так что... Некоторые окружающие дома тоже пострадали, но слегка. А вот с восточной стороны столицы теперь вид красивый на реку открывается...

– Какой вид на реку? – переспросил один из старших родичей. – Там горы.

– Были, – издевательски сообщил древний, и от пирожков перешел к блинчикам.

Мы все молчали, откровенно потрясенные информацией, а древний продолжал разглагольствовать:

– Нет, я в целом жителей столицы понимаю, если бы мой дом под угрозой разрушения был, я бы Черному любую девицу приволок, уже без разницы какого рода, но вот Миладку – никогда! Обойдется.

Минуты две за столом было тихо, а потом халоне Гайто переспросил:

– Древний, вы хотите сказать, что теперь вся столица знает, что причиной разрушений стала Милада Кириито?

– А? – переспросил Асур-Ррат, почесав ухо. – Не, ты что, мой мальчик, я своих не сдаю... А вот эльфийку жаль, ее за ночь уже раз пять Черному подсовывали.

И я вспомнила сказанное Гарратом: «Эсфирель вообще рыдает и клянется, что ей никакой коробочки с золотой лентой не предлагали, а если бы предложили, она бы давно и с радостью согласилась, причем вовсе не по причине толп драконов, осуждающими косяками летающих над эльфийской столицей исключительно с одной целью – в глаза посмотреть этой заразе бессердечной!»

– Это д-драконы опять летают в эльфийское королевство? – шепотом переспросила я.

– Нет, – древний вдохновенно жевал, – Долина же закрыта для вылетов, так что они платят эльфийским наемникам, ушастые таскают им Эсфирель, изобретая все новые методы проникновения в королевский дворец Белых вод, король в ярости, эльфийку уже все достало, а Главнокомандующий исчез.

– Как исчез? – мне вдруг стало как-то совсем нехорошо.

– Молча, – невозмутимо пожал плечами Асур-Ррат, – его с рассвета никто не видел. Летают, ищут, хрен найдут. Видимо, улетел подальше и крушит чего-нибудь там, свободный от подсовываемой ему вечно эльфийки. Так что покормить песика не выйдет, малышка.

Я не удержалась на ногах и прислонилась к столбу, поддерживающему крышу.

– Эй, Миладка, ты чего? – забеспокоился древний. – Да перекусит чего-нибудь твоя псинка, ничего ему не сделается.

Но я точно знала, что сделается. Абсолютно точно.

– Асур-Ррат, мне нужен телепортационный браслет, – умоляюще сказала древнему.

Дракоша, жующий опять что-то, посмотрел на меня, как на умалишённую, демонстративно сплюнул, собственно, демонстрируя все отношение к моей просьбе, после чего посидел, почесывая подбородок, затем пузико, после важно сообщил:

– Никак. Все телепортационные браслеты контролирует канцелярия Главнокомандующего. Границы также он, и они полностью закрыты.

И я поняла, что сейчас мне придется испытать еще больший стыд, чем накануне. Гораздо больший. Мне уже было стыдно за себя до невозможности, и перед Черным драконом, и даже перед своим родом, но я не знала, что еще можно сделать в этой ситуации.

– Мама, мне нужны бумага и карандаш, – произнесла, с трудом выговаривая каждое слово.

– Зачем? – сложив руки на груди, холодно спросила Камали.

Пришлось признаться:

– Потому что грасс под заклятием, и в этом состоянии он может есть или меня, или то, что ему дам я.

Повисшая на террасе пауза выразила нелестное мнение, что имели на этот счет мои новые родственники.

– А я передумал, – вдруг произнес древний, – давайте отдадим ее обратно Черному дракону!

– У ребенка просто доброе сердце! – возмутилась одна из дракониц.

– Оно у нее странное, я вот лично не стал бы кормить того, кто мечтает мной закусить! – высказался суровый седовласый дракон.

– Seriously, сынок? – с прищуром переспросила бабушка Осаи. – А не ты ли волка домой приволок в пять лет?

– Он был одинок, у него не было семьи! – гордо ответил старец.

– Он был матерым вожаком стаи и, сочтя тебя опасным зверем, увел от своей волчицы, защищая ее и волчат! Да кому я рассказываю?! – раздраженно спросила бабушка.

Закашлялась, чаем запила и сообщила:

– В общем, ребенок определенно наш, Камали, можешь всем смело говорить, что родила ее от Хатора, все одно кровь

в ней Кириито, не иначе. – Посмотрела на меня, вздохнула и спросила: – Что делать будем?

– Я бы мог воздушника позвать, – меланхолично отозвался древний, – но смысла нет – Главнокомандующий ветер его знает где.

Где бы он ни был, я надеялась, что сможет прочесть, если напишу.

Еще я надеялась, что не сгорю со стыда, когда стану писать. А еще я боялась даже взглянуть на Камали. Но именно она поднялась и тихо сказала:

– Идем.

Кабинет пра-пра-пра-пра-прадедушки Сумори находился на третьем этаже прямо в библиотеке, заполненной в основном книгами на древнем языке. Здесь располагался стол, большой, основательный и широкий, за ним стоял стул, и размером, и крепостью, вероятно, способный выдержать даже дракона в драконьей форме, а вот в остальных местах повсюду лежали подушки и мягкие коврики, коврички, ковры. На подоконниках, между стеллажами книг, на открытом пространстве перед столом.

– Это для детей, – пояснила мне Камали.

Я удивилась.

Библиотека обычно суровое место, куда детей вообще не пускают, а здесь...

– Дети – свет жизни, – улыбнулась мне мама и указала рукой на стол, предложив сесть.

Но я не стала. Медленно обойдя стол вокруг и зачарованно ведя по деревянной столешнице пальцем, я дошла до стула, взяла из пачки в открытом ящике лист, карандаш из стопки, в основном цветных и, видимо, заготовленных тоже для деток, огляделась и как-то сразу выбрала себе место – на подоконнике, где у стены лежала удобная алая, расшитая цветами подушечка, на которую я оперлась спиной, едва на сам подоконник взгромоздилась. Мама подошла и подставила мне под лист книгу, чтобы было удобнее писать, а затем тихо спросила:

– Миладушка, ты уверена?..

Она не договорила, но и не требовалось.

Помолчав мгновение, честно призналась:

– Я не знаю, что будет с Голодом, если не покормлю его сегодня. Просто не знаю. Мы не изучали заклятия подобного уровня, но, учитывая, что его мама все время старалась быть рядом в лесу, боюсь, что ничего хорошего.

– У него есть мама... – протянула Камали.

– Грассы разумны, – пояснила я.

Мама погладила меня по щеке и отошла. Я видела, что, несмотря на все мои доводы, она против подобного. Я чувствовала, что я и сама против, вот всем сердцем против, а еще было безумно стыдно, жгуче, нестерпимо, до такой степени, что хотелось зажмуриться и даже его ответа не видеть в идеале никогда, но...

«Мне очень нужна ваша помощь», – написала я на про-

стом листе бумаги, простым карандашом, кажется, даже черным, а не обычным.

Просто я помнила про кровь, и я надеялась... надеялась... надеялась...

Донадеялась.

«Серьезно?!» – появилась раздраженная, с сильным резким уклоном запись.

У меня возникло почти непреодолимое желание бросить все и убежать подальше. Но я вспомнила Голода и осторожно написала под этой записью:

«Пожалуйста...»

Секундное молчание - и злое:

«Никогда не думал, что скажу подобное круглой сироте, но ты вся в мать!» – последовал ответ.

Я как сидела... так и осталась сидеть. Камали, тактично отошедшая, увидев, как багровеют мои щеки, подошла, прочитала... и неожиданно улыбнулась. Потом, как и я, с ожиданием посмотрела на лист бумаги, где не появилось больше ничего.

Я ждала с замиранием сердца, мама стояла рядом, словно хотела меня поддержать, Черный дракон не отвечал.

Ни слова.

Ни буквы.

Ни знака препинания.

Мы смотрели на бумагу с надеждой, но взяла и открылась дверь.

Зэрнур вошел, не здороваясь, лишь склонил голову в знак уважения к Камали, после чего приблизился и с явным неодобрением передал мне телепортационный браслет.

– Спаси... – прошептала я, едва не уронив тяжёлое металлическое не-украшение.

Бронзовый дракон молча посмотрел на меня так, что слова благодарности застряли в горле. После чего взгляд его скользнул по моей шее, сейчас закрытой тканью традиционного драконьего платья, и потому цепочку, я надеялась, никто не увидит.

Надеялась зря.

– Несмотря на то что вы не принимали дар, Страж на вас, и я отчетливо его вижу, и он активирован, наири Милада.

– Мы его снимем! – мгновенно заявила мама.

Искоса глянув на нее, Зэрнур все же не стал спорить с Камали, в целом крайне подчеркнуто вежливо ведя себя в отношении драконицы.

– Я к тому, – сказал дракон, обращаясь скорее к ней, чем ко мне, – что жизнь пса этого всего не стоит.

Но Камали ответила:

– У него тоже есть мать.

И Зэрнур отступил. Затем снова поклонился Камали, мрачно глянул на меня, развернулся и вышел. Через мгновение с террасы вертикально вверх взмыл огромный Бронзовый дракон.

Когда он улетел, Камали несколько секунд смотрела в ок-

но, а потом задумчиво произнесла:

– Милада, деточка, я не хотела вчера спрашивать, да и в воду ты зашла, даже не поморщившись, но все же, солнышко, у вас что-то было с Главнокомандующим?

С непониманием посмотрела на маму.

Драконница несколько смутилась, но, все так же внимательно глядя на меня, спросила прямо:

– У вас что-то было?

Мой взгляд стал еще более вопросительным.

И Камали пояснила:

– То, что происходит между мужчиной и женщиной?

Покраснев в единый миг до кончиков ушей, я уже хотела сказать «нет», но... вспомнила все случившееся вчера. То как Черный дракон меня раздел, не просто растоптав, а разорвав всю мою стыдливость в клочья, то как обнимал сзади и прижимал к своему полностью обнаженному телу мое, напроць лишенное одежды.

– Что-то было! – заключила Камали.

Помолчав, добавила:

– Взять тебя силой он не взял, иначе ты бы вчера в ванной так спокойно не сидела, и это одно уже радует. Так что же случилось?

Я не смогла ответить. Бывают моменты, когда стыдно настолько, что горло перехватывает.

– Милада, я бы не спрашивала, но ит-хан Зэрнур прав – Страж активирован. Я все пытаюсь понять почему, ведь дар

ты не принимала и не приняла, я тебя уже знаю.

Ответить я не успела – на листе появилось всего одно слово:

«И?»

Я отложила лист, посмотрела на маму и молча надела браслет на запястье, предусмотрительно зажмурившись.

Когда перенос закончился, я оказалась там, где было холодно.

Безумно, жутко, вымораживающе до самых костей холодно! И ветер завывал совершенно жутко, и в лицо ударила сотня ледяных игл.

Открывать глаза не хотелось вовсе.

– Мм-м, ты все сняла... крайне пренебрежительное отношение к золоту для бывшей сироты, – раздался злой голос.

И я открыла глаза.

И вздрогнула, увидев прямо перед собой морду Черного дракона и его холодные зеленовато-серебристые глаза.

Почему-то почувствовав себя виноватой, поторопилась оправдаться:

– Цепочка осталась.

Если я ждала проявления хоть каких-то положительных эмоций по этому поводу, то просчиталась. Глаза Ирэнарна мгновенно сузились, из груди вырвалось рычание, и Черный дракон переспросил:

– Что?

– Ц-ц-цепочка. – Я опасливо отползла немного и, расстег-

нув две петельки на высоком ворота, достала украшение и спросила: – Вы сможете снять?

На какое-то время в этом холодном темном месте воцарилась мрачная тишина, а вот затем дракон, у которого как шерсть дыбом поднялась чешуя, хрипло спросил:

– Что?!

В следующее мгновение я оказалась в Крепости.

Точнее – в ее остатках.

Здесь повсюду сновали драконы и духи, которые были уже знакомы мне по замку Правящих драконов. Кто-то строил стены, кто-то отшлифовывал каменный пол, духи занимались тем, что прямо из воздуха делали железные подсвечники и посуду, мыли полы, вставляли стекла в проемы только что отстроенных стен.

Когда появилась я, все на миг замерли, затем очень как-то укоризненно посмотрели на меня, после снова вернулись к работе.

В этот самый момент в руино-строительный процесс вошел один из стражей, как-то очень тяжело глянул на меня и спросил у одного из драконов:

– А эльфийку куда нести?

Глухо прорывав что-то определенно ругательное, темно-зеленый дракон ответил:

– Верни жителям города.

Страж помялся, снова глянул на меня с осуждением и нервно сообщил:

– Они ее уже украсили сине-буро-паршивыми цветами, как ты и сказал, хотя, как по мне, ей белые шли больше.

Темно-зеленый дракон оторвался от каменной кладки, медленно, очень медленно повернулся к стражу и прорычал:

– Изыди!

Желание сбежать появилось даже у меня, что говорить о стражнике – он рванул к выходу встревоженной птицей, и уже где-то за пределами крепости чей-то голос спросил:

– А может, мы еще какую эльфийку поищем, а?

В самой крепости после этого атмосфера потяжелела втрое.

– Может, стоит им правду сказать? – предложил один из медных драконов, укладывающих каминную плитку. – Жалко эльфийку.

– Главнокомандующий запретил, – отрезал темно-зеленый, возвращаясь к работе. И уже тише, но явственно добавил: – Эта прикрыла его от позора, теперь он прикрывает ее от публичного унижения, долг чести и все такое.

Потрясенная, я даже не знала, что сказать, – к счастью, и не пришлось. С неба, просто сейчас у Крепости вместо крыши было небо, рухнул Черный дракон, приземлившись возле меня уже в человеческом виде. Оглядев фронт работ и явно обрадовавшихся ему драконов, мрачно спросил:

– Ее плащ где?

Один из духов метнулся вверх, в ту часть, что сохраняла частично остатки второго этажа, и вскоре прилетел, береж-

но разворачивая упакованные в золотую бумагу мои плащ и сапоги.

– Спасибо огромное! – воскликнула я, после всех разрушений и не ожидавшая увидеть собственные вещи.

Дух улыбнулся плоским нечеловеческим лицом и умчался обратно, создавать подсвечники. Главнокомандующий же молча отобрал у меня плащ и протянул руку, предлагая опереться на нее, пока буду переобуваться. Пальцы в его ладонь я вложила очень осторожно, боясь совершить неверное движение, и вздрогнула, едва его стальная длань стиснула их железной хваткой.

– Переобувайтесь, госпожа Радович! – скомандовали мне.

Нагнувшись, быстро сняла тканевые туфельки, обула сапоги, выпрямилась и замерла, едва Главнокомандующий набросил мне плащ на плечи, после накинул капюшон и стремительно застегнув те две пуговики, которые я расстегнула, показывая ему цепочку, тщательно затянул завязки на плаще.

Быстрый взгляд в мои глаза, и мир вокруг потемнел, ударив волной холода.

Мы перенеслись куда-то в воздух, потому что я мгновенно начала падать и была поймана на лету больно сжавшей драконьей лапой.

Быстрый полет запомнился свистом ветра в ушах и абсолютным чувством защищенности. Мне было с чем сравнивать после левитации телеги Владыкой, вот тогда я жутко пе-

репугалась.

Додумать не успела – рывок вниз, разжавшиеся когти, мгновение свободного полета, и Черный дракон мягко подхватил меня на руки.

– Напугал? – поинтересовался он будничным тоном.

– Абсолютно нет, это был замечательный полет! – совершенно искренне заверила я, подумав, что лететь было гораздо проще, чем сейчас ощущать себя в его руках.

– Вот как? – не спеша отпустить меня, переспросил Ирэнарн. – А у вас большой опыт полетов с драконами?

Несколько замаявшись, пробормотала:

– Нет, но его правда хватило, чтобы сделать выводы.

Я не смотрела на Главнокомандующего, но почему-то показалось, что он несколько удивлен. И дракон подтвердил это, спросив:

– И что же это было такое, в сравнении с чем скоростное перемещение боевого дракона для вас «замечательный полет»?

– Левитирование телеги... Лучше даже не спрашивайте.

Он не стал спрашивать, он догадался:

– Гаррат.

Прозвучало до крайности гневно.

Я же пошевелилась, намекая, что меня хорошо было бы отпустить, но Черный дракон холодно сообщил:

– Рано. Так это был Гаррат?

Судорожно выдохнув, я посмотрела на Главнокомандую-

щего и не смогла ответить. Не знаю почему. В тени Горлumsalого леса его лицо едва ли было различимо, но глаза... глаза притягивали, сверкая в полумраке внутренним светом драконьей сущности. Мне почему-то вдруг вспомнились пирожки в храме Аркалона и чувство неловкости, в чем-то даже стыда, но все равно соприкосновения с чем-то удивительным и волшебным.

– Вы странно на меня смотрите, – хрипло произнес Ирэнарн. И тут же добавил: – Но продолжайте, меня все устраивает.

Почему-то улыбнулась и, смутившись от собственной реакции, отвела взгляд...

И увидела Голода.

То, что он падал, и падал часто, говорил налипший на его бока снег, резко обозначивший впалый живот и проступившие ребра. А еще у него были прикрыты, словно от дикой усталости и истощения, веки, тоже припорошенные снегом.

– Голод! – испуганно воскликнула я и попыталась вырваться.

Но Черный дракон удержал и никак не отреагировал на мой возмущенный взгляд, продолжая пристально смотреть на грасса. И я поняла почему – Голод крался. Не шел, а именно крался, как подбирается к жертве хищник, обыкновенный хищник, а не разумное существо.

– Видимо, следствием наложенного заклинания стал ускоренный метаболизм. Грасс сейчас в состоянии, не контроли-

руемом разумом, это уже голые инстинкты. Я не уверен, что вам стоит к нему приближаться, — холодно произнес дракон.

— А я уверена! — воскликнула, с тревогой глядя на зверя. Готовящегося к прыжку зверя.

— Милада, нет! — перехватывая меня одной рукой и выставив, видимо для удара пламенем вторую, безапелляционно произнес Главнокомандующий.

Голода это не остановило, он зарычал, шерсть его встала дыбом... и тут сбоку на него прыгнул другой грасс. Повалил с ног, придавив лапой, ухватил зубами за холку и взвыл, словно призывая кого-то. И на его зов из лесу торопливо вышел другой грасс, тянущий за собой волокуши с половиной разделанной кабаньей туши. И вот этот второй грасс, дотянув мясо до Голода, кинулся ко мне и застыл, едва ли обозначенный упавшим с ветвей деревьев снегом, прямо перед выставленной вертикально расположенной ладонью дракона.

— Это мама Голода, — догадалась я.

И Ирэнарн нехотя опустил меня на снег. А затем, пройдя вперед, сдвинул удерживающего моего пса грасса, сам ухватил забившегося и пытающегося напасть Голода и выразительно посмотрел на меня, недвусмысленно намекнув, что держать животное будет он, и точка. Двое грассов нервно переглянулись, но возражать не стали. Мама Голода, проходя мимо, благодарно лизнула в щеку, а его, наверное, отец начал кромсать когтями мясо.

Первый кусок Голод взял не сразу, несмотря на железную

хватку дракона, попытался укусить меня, а не мясо. Но Ирэнарн не позволил, и острые клыки грасса зацепили мясо. Есть пес начал тоже не сразу, сначала полежал с этим куском, обессиленно прикрыв глаза, потом сделал первое жевательное движение, второе, третье... и, проглотив, снова открыл пасть. Я с готовностью протянула ему еще кусок, и Голод, жуя, едва слышно пролаял «Милада»... Так жалко стало, и рука сама потянулась погладить, но Ирэнарн перехватил, и не зря – инстинкты грасса заставили его попытаться все-таки сожрать меня, и зубы клацнули там, где была бы моя ладонь, не останови меня дракон.

– Госпожа Радович, на будущее: зверь на грани смерти руководствуется исключительно двумя инстинктами – выживание и размножение. Для размножения вы ему не подходите. А для собственного выживания не суйте руки куда не следует!

После такой отповеди я просто молча кормила грасса, Голод молча ел, видимо, устыдившись своего порыва все-таки сожрать меня. И ел он много, не знаю, каким образом, но в пса уместилось примерно столько же мяса, сколько весил он сам.

– Хотелось бы верить, что у вас в обычном состоянии аппетита поумереннее, – скептически сообщил Ирэнарн двум стоящим рядом с ним грассам.

Ко мне оба зверя предусмотрительно не приближались.

В ответ на его замечание отец Голода с трудом пролаял:

– Мясо – не основная пища.

Удостоился вопросительного взгляда Черного дракона и пояснил:

– Хлеб. Злаковые. Ка-ши. Челове-чес-кое пи-та-ние.

Говорить ему было явно очень сложно.

– У вас собственный язык? – поинтересовался дракон.

– Д-д-да, – ответил грасс.

– Отлично, – тоном, предполагающим обратное, произнес Ирэнарн. – Сообщите сыну, что два дня он проведет в моей Долине.

Грассы переглянулись, мать попыталась что-то сказать, не смогла, и тогда спросил отец:

– По-че-му?

– Я действительно должен что-либо объяснять, учитывая, что вы намеренно держитесь на расстоянии суток пути от основной стаи?

Родители Голода оба опустили головы. А ведь я даже не поняла, что все настолько плохо.

– Кормить сырым мясом, это я понял. – Ирэнарн раскрыл ладонь, и на ней начал создаваться телепортационный браслет, да так, словно железо стекалось на руку дракона, по каплям вытекая прямо из земли, пробиваясь сквозь снег. – Через двое суток верну в стаю. Возвращайтесь к детям.

Мать Голода вскинула голову, что-то прорычала, и отец перевел ее вопрос:

– Спас-ти... мож-но?

– Судя по процессам в его организме, что я наблюдаю, – да. В крайнем случае разберусь конкретно с чарами.

И он перенес браслет на лапу Голода.

Яркая вспышка портала – и грасс исчез.

Ирэнарн поднялся, протянул мне руку и, едва поднял меня, мгновенно призвал второй портал.

* * *

Когда мы появились посреди Крепости, все сразу прекратили работы и посмотрели на нас. Посмотреть было на что – я в снегу, плащ тоже в снегу, я на нем сидела, колени мои в снегу, руки в крови.

– Даже спрашивать не буду, – произнес темно-зеленый дракон, возвращаясь к работе каменщика-восстановителя.

– Тут все просто – грасса кормили, – меланхолично отозвался Зэрнур, который с другим драконом собирал из уже отполированных частей стол.

А я вдруг подумала, что не говорила Главнокомандующему о грассах. Я вообще ничего не успела сказать, я только написала, что мне нужна помощь, и все, а как он узнал?

– Кормить животных – это хорошо, это правильно. – В холл Крепости вошел Гхарарг, вытирая руки о передник. И тут же обратился ко мне: – Леди Милада, а вы не могли бы до кучи и дракона одного покормить? А то второй день не жрет ничего.

Я опешила.

– Гхарарг! – угрожающе прошипел Ирэнарн.

Настолько угрожающе, что духи разом испарились, сам повар отшатнулся назад на шаг, но тут же остановился и произнес:

– А я что? Может, девочка тоже ничего со вчерашнего дня не ела. За ужином ни крошки не взяла, я следил, а с утра не успела, про пса своего вспомнила, у Зэрнура спросите. Ну, в смысле, я уже спросил.

Вопрос, откуда Черный дракон узнал о грассе, отпал сам собой. Я мрачно посмотрела на Зэрнура – бронзовый дракон самозабвенно складывал стол, делая вид, что вообще сейчас ничего не слышал.

– Так я там на стол накрыл, ир-хан Главнокомандующий, девочка голодная же совсем, вы на нее посмотрите, бледненькая же вся.

– Меня дома покор... – начала было я.

И осеклась, вспомнив сказанное Гхараргом: «Леди Милада, а вы не могли бы до кучи и дракона одного покормить, а то второй день не жрет ничего?»

Искоса взглянула на Ирэнарна – дракон, прищулив глаза, смотрел на повара так, что стало ясно – порвал бы голыми руками. И я так догадываюсь, что вполне даже мог.

Набрав побольше воздуха, решительно сообщила:

– Я очень голодная. – И поинтересовалась у Главнокомандующего: – А вы?

Черный дракон медленно перевел взгляд на меня и тихо ответил:

– Примерно как ваш грасс, но с поправкой на второй главный инстинкт. Переобувайтесь.

Я быстро сменила обувь, Ирэнарн помог снять плащ, передал его подлетевшему духу и молча указал мне на вход в кухню. От столовой-то ничего не осталось.

Едва мы вошли, провел к умывальной чаше. Гхарарг споро мыло подал, водный дух так вообще вымыл наши руки еще до того, как мы их в воду опустили. Второй дух поднес полотенце и передал его дракону. Ирэнарн странно посмотрел на ткань, потом на меня – молча взял одну мою руку, так что не вырваться, хотя я попробовала осторожно ладонь отнять, но дракон тщательно вытер сначала одну, затем вторую, после свои руки и вернул полотенце висящему рядом духу.

Чувство моей неловкости, кажется, уже можно было резать кусками. Особенно когда стало ясно, что отовсюду на нас смотрят. И если духи еще пытались прятаться, просто по стенам глаза видны были, то драконы заглядывали и через дверь, и через проломленную в нескольких местах стену, и парочка даже из подвала выглядывала через дыры в полу. Одного взгляда Ирэнарна хватило, чтобы они все попрятались, а духи зажмурились, но не надолго – мы еще к столу не подошли, как все снова были на наблюдательных позициях.

– Хуже базарных баб! – не выдержал Главнокомандую-

щий.

– Просто не хочется опять Крепость с нуля отстраивать, – нагло сообщил кто-то.

И все резко снова попрятались.

Ко всеобщему удивлению, говорить что-либо в ответ на это замечание Черный дракон не стал. Он молча подошел к столу, придирчиво осмотрел его, взял самое большое блюдо с красиво уложенным на нем мясом, сверху разместил тарелку с хлебом и сыром, глянув на меня, захватил рыбный суп, на край блюда пристроил столовые приборы и спросил:

– Что-нибудь еще?

Оглядев стол, я взяла заготовленную для меня тарелку, набрала зелени, захватила два яблока и малиновый рулет. Ирэнарн, едва заметно улыбнувшись, просто взял за руку.

Вспышка от сработавшего портала не отсекла от нас гула сильно разочарованных голосов.

* * *

Когда я открыла глаза, оказалось, что мы стоим в залитом солнечным светом храме, прямо у постамента.

Ирэнарн, не говоря ни слова, взгромоздил блюдо с едой на постамент, затем, взяв за талию, рывком усадил меня, после запрыгнул сам.

Какое-то время мы сидели все так же молча, глядя на храм, наполненный торжеством, светом и кристально-чи-

стым воздухом, от которого немного кружилась голова. Но затем неловкость и торжественность обстановки оттеснил аромат еды, которую готовил Гхарарг отменно, а его печенья я в университете вообще, как могла, растягивала, и очень грустно было, когда все съела.

– Кстати, – почему-то решила спросить, – вы те печенья долго ели?

– Месяца два, – мрачно отозвался дракон. – Гхарарг отчего-то решил, что они поднимают мне настроение.

Помолчав, честно призналась:

– Мне поднимали...

– Следовало написать. С удовольствием передал бы вам весь ящик, – вдруг разозлился дракон.

И я решила, что самым правильным с моей стороны будет просто молчать. Так что я молча поставила рядом с блюдом, стоящим между нами, тарелку с зеленью, яблоками и пирогом, взяла суп и ложку и принялась есть.

Черный дракон мрачно глянул на меня, взял себе тарелку, наложил мяса и тоже принялся за еду. Молча, да.

Но уже спустя две порции вдруг спросил:

– Так что это был за полет на телеге? Гаррат ее нес?

– Левитировал, – поправила я.

Искося взглянув на меня, Главнокомандующий уверенно произнес:

– Гаррат не обладает способностями к левитации.

– Не обладал, – снова поправила я. – И не способностями,

а знаниями. Но он быстро освоился. Мы же долетели как-то.

Секундная пауза – и злое:

– Как-то?!

Я сделала вид, что очень сосредоточенно ем суп, но все же сочла своим долгом сообщить:

– У Владыки потрясающие способности к обучению. Он способен прочувствовать магию, понять принцип ее действия и применить. Он же перехватил управление грассами после всего раз услышанного приказа Воронира.

Ирэнарн неожиданно мягко улыбнулся и произнес:

– Это особенность крови Правящих драконов.

И очередную ложку я просто не донесла до рта.

Главкомандующий улыбнулся чуть шире, глядя на потрясенную меня, и насмешливо произнес:

– А зачем, по-вашему, мне потребовались представители от каждой человеческой магической конфессии?

Удивленно моргнув, прошептала:

– Для выжигания магии и выявления ее остаточного фона, чтобы выявить причастную к случившемуся конфессию?

Усмехнувшись, Ирэнарн объяснил:

– Для первой стадии ритуала выжигания, определения возможностей и специфики магии каждой из конфессий и дальнейшей уже моей работы с использованием человеческой магии.

Окончательно потрясенная, я прошептала:

– Но... почему вы не сказали?

– А вы полагаете, я должен был посвятить всех вокруг в специфику возможностей Правящих драконов?

Я как сидела... так, впрочем, и осталась сидеть. Для меня способности и возможности Гаррата казались феноменальными, ошеломляющими, невероятными... В тот миг на поляне, осознав, что он сможет перехватить контроль над грасами, я испытала практически шок, но вот теперь... Гаррат как ребенок, недоучившийся, не наигравшийся дракон с феноменальными возможностями, способный использовать даже личные заклинания магистров, привязанные к их ауре, что по всем законам магии считается невозможным... Но вот я понимаю, что рядом со мной сидит тот, кто, в отличие от Гаррата, получил великолепное образование и продолжает постоянно обучаться, кто способен чувствовать магию, как травник определять состав трав в любом настое, кто осознанно и основательно пользуется этим умением, кто...

– Я вас испугал? – невозмутимо поинтересовался Черный дракон.

– Вы меня потрясли... – прошептала я.

– Вы меня тоже, – с легкой иронией отозвался он. – Признаться, я крайне раздосадован тем, что Гаррат поставил Воронира в известность о своих способностях.

В изумлении посмотрела на Ирэнарна.

– У вас удивительно красивые глаза, – почему-то вдруг сказал он. И тут же насмешливо продолжил – Но вот смысл откровенно читающегося в них удивления мне непонятен,

или вы действительно полагаете, что Воронир не разберется в случившемся?

Я прикусила губы, посидела так, пытаюсь подобрать нужные слова, все же сказала:

– Мы не могли иначе. Воронир убивал Гаррата намеренно, зная, что, как только его жизни будет угрожать смертельная опасность, вы появитесь. А едва бы вы появились, он отдал бы приказ грассам атаковать. Всем грассам, включая малышей и беременных самок. Нам нужно было сделать хоть что-то... других вариантов не было.

Ирэнарн внимательно посмотрел на меня и произнес:

– Следовало позвать меня!

Опустив взгляд, резонно заметила:

– Ваше появление спровоцировало бы Воронира на приказ грассам, что стало бы для них смертным приговором.

– Серьезно? – насмешливо поинтересовался Черный дракон.

Искоса взглянула на него, не понимая причины насмешки.

И он любезно объяснил:

– Милада, вы сообщили мне о грассах. Вы передали Зэрну монографию, которую написал Воронир. Вы действительно полагаете, что я мог наивно проигнорировать факт их управления хозяином?

Промолчала, почему-то вдруг вспомнив сказанное Асур-Рратом: «Доверься Черному дракону».

– В целом, госпожа Радович, вы отличаетесь крайне глупым поведением. Глупо было не взять защитный браслет, что я вам передал вместе с телепортационным, глупо было не сообщить Зэрнуру об откровенном шантаже со стороны лорда Энроэ, глупо было молчать о вражде с Айваном Горски, глупо в целом было отправляться в Горлумский лес на фактически невыполнимое задание. Отдельным крайне глупым поступком было молчать о личности Вачовски, но тут я хотя бы могу это объяснить вашим совершенно беспочвенным благородством.

Я молчала, опустив глаза.

– Гордость, госпожа Радович, – это костер. Для любого костра требуются как минимум дрова. Так вот ваш костер гордости умудряется гореть в принципе без топлива!

Высказав это, Главнокомандующий снова принялся есть, на этот раз с каким-то остервенением, словно едва сдерживал рвущуюся ярость. А я молчала, почему-то ощущая себя очень... мне просто было до крайности горько. Я бы многое могла сказать дракону, начиная с того, что привыкла рассчитывать только на себя, и заканчивая его написанными в том послании словами, но не стала.

Ирэнарн доел мясо, оставил тарелку и столовые приборы, оглядел «десерт», взял одно из яблок и, откусив, вдруг поинтересовался:

– Что планируете делать дальше?

Напряженно взглянув на него, с упреком сказала:

– Вы ведь знаете все о разговоре на террасе дома бабушки Осаи.

– Знаю, – не стал отрицать Главнокомандующий. – Но я не спрашивал вас о том, какие планы строят ваши новые родственники, я спросил, что лично вы планируете делать дальше.

Судорожно выдохнув, я несколько помедлила с ответом, но ответила честно и не скрывая:

– Мне нужно вернуться в университет и отдать карту. Это важно уже пусть не для меня, но для ребят. Затем попытаюсь поступить магическое заведение в Долине... – Помолчала и добавила: – Если вы не против.

– Я против, – мгновенно ответил Ирэнарн.

И пока я пыталась хоть что-то сказать, пояснил:

– Милада, я действительно был тронут вашей заботой о моей репутации и тем, что Асур-Ррат, следуя вашей просьбе и приложив все свое влияние, скрыл имя истинной причины возникших в городе разрушений. Но рано или поздно, причем скорее рано, драконы вникнут в курс происходящего. Впрочем, будем откровенны – ваша проблема не в этом.

Я отставила недоеденный суп, взяла второе яблоко и, перекатывая его в ладонях, выдохнула:

– Проблема в Воронире, да?

– Нет, – холодно ответил Ирэнарн, глядя на меня. – Ваша главная проблема – я.

Нервно отодвинувшись, я, помолчав несколько секунд,

осторожно спросила:

– А можно я уже пойду?

Насмешливо усмехнувшись, Ирэнарн спокойно поинтересовался:

– Вам в принципе известно, какую скорость способны развивать боевые драконы?

– Н-н-нет, – запнувшись, ответила я.

– Оно и видно, – как-то устало прокомментировал Черный дракон.

И он спрыгнул с постамента, после собрал всю посуду и остатки еды и телепортом отправил, видимо, на кухню. Я, правда, не могла понять, почему при этом мы все так же остались в храме. И непонимание только усилилось, когда Ирэнарн, подойдя, встал вплотную к моим ногам, даже не принимая попытки меня снять с постамента.

Он просто стоял так, что мои колени касались его груди, и молча смотрел, вызвав жуткое желание как минимум отодвинуться, а еще лучше – вовсе сбежать из храма.

– Все время хотел спросить, – вдруг произнес дракон, и его ладони, прикоснувшись к стопам, мягко заскользили вверх по моим штанишкам, но ощущалось это так, словно ткани на мне вовсе не было, – вы адекватно оценивали опасность со стороны Гаррата или как всегда?

Я с ужасом посмотрела на руки Главнокомандующего, которые уже достигли моих колен, но, не остановившись, лишь замедлились, продолжая путь выше, но почему-то, вместо

того чтобы попросить его остановиться, выдохнула:

– Да. Я знала, что он может меня убить.

Ирэнарн усмехнулся, подавшись вперед, схватил меня за талию, нехотя спустил на пол с пьедестала и, разжав руки, задумчиво произнес:

– Вы сказали «убить», а не «съесть». Что похвально – с одной стороны, и не радует с другой.

– В смысле? – переспросила я, ощущая его дыхание на лице, тепло его рук на моей талии, жар его тела.

– В смысле, – голос дракона стал ниже и каким-то хриплым, – вы, наконец, сообразили, что никто не собирается вас есть в буквальном смысле, а вот не радует тот факт, что главная проблема Гаррата никуда не делась.

И Черный дракон рывком отошел от меня. Постоял, в задумчивости глядя на статую предка, затем молча протянул мне телепортационный артефакт.

– До вечера, госпожа Радович, – несколько издевательски произнес он.

– Спасибо, – поблагодарила, надевая браслет.

Вспышка.

* * *

Открыв глаза, я обнаружила, что стою перед домом бабушки Осаи.

Ярко светило солнце, искусственный ручей с красными и

золотыми рыбками журчал и переливался десятком маленьких водопадиков, деревья цвели нежно-розовыми цветами, над домом витал аромат пирожков Хатора, с балкона мне помахала бабушка, из сада, оторвавшись от поливания мелких синих цветочков, один из моих новых дядьев громко спросил:

– Спасли?

– Да! – радостно ответила я. – Похоже, в последний момент успели. Главнокомандующий его к себе на двое суток взял проконтролировать исцеление от чар, но Голод точно будет жить!

– Умница, – искренне похвалил меня дядя.

– Это не моя заслуга, – честно ответила я. – А мама где?

– Камали? – Дракон выпрямился, удерживая жуткого размера лейку, почесал затылок, пожал плечами и ответил: – Кажется, с твоими тетками пошла к портнихе. Камали тут нервно металась из угла в угол, вот Хатор и отправил ее снять стресс посредством приобретения новых тряпок. Она с древним пошла, в итоге им еще и бесплатно сверху отрезков двадцать сунули, и тетки твои решили, что пора к портнихе.

– А-а. – Я немного расстроилась, честно говоря, не представляя, что мне тут делать без мамы.

Все-таки дом родным не был, драконов я еще даже не всех не то что по именам – в лицо не запомнила и чувствовала себя не совсем уютно. Сходить к Хатору?

Но тут из окна на первом этаже высунулся древний и

крикнул:

– Миладка, чего стоишь? Дуй ко мне, будем сокровища считать!

Сокровища пересчитывать я не горела желанием, а вот несколько вопросов у меня к древнему были. И я пробежалась по дорожке, поднялась по ступеням, на секунду остановилась, привыкая к сумраку дома, и, повернув направо, отправилась искать Красного дракона.

Асур-Ррат в виде смешного дракончика обнаружился в сокровищнице. Та, сверкая квадратным входом, располагалась в полу, и мне махнули лапой, мол, заходи.

Я осторожно спустилась по ступеням Асур-Ррат также взмахом лапы закрыл вход и, едва мы остались в одном сплошном голубом призрачном сиянии, сурово посмотрел на меня и спросил:

– Как там гад чешуйчатый?!

– Хорошо, поел, – присаживаясь на последнюю ступеньку и оглядывая горки золота и драгоценных камней, разложенных по полочкам на стенах, ответила я.

Улыбнулась кучке речных камешков, уложенных на блюдечко в самом центре сокровищницы, рядом с колечком Камали.

– Да, надо бы еще по детям пройти, – не оборачиваясь и каким-то образом заметив, куда я посмотрела, произнес дракон, что-то сосредоточенно считая.

Я сочла неприличным подходить и заглядывать ему через

плечо, поэтому осталась сидеть на ступеньках.

Асур-Ррат некоторое время пересчитывал монетки – поняла это по тихому звону металла, – потом вдруг прекратил, посидел немного, опустив плечи, и тихо сказал:

– Черный дракон вчера сказал много. Очень много.

Древний опустил и голову.

Не желая перебивать, я молчала, надеясь, что он продолжит. Иначе самой спрашивать придется.

– Испокон веков правил всегда тот дракон, что был черен взглядом.

Я невольно вспомнила черные глаза Гаррата, пугающие настолько, что не спасал даже серебристый вертикальный зрачок.

– Но старший Правящий дракон оказался... слишком опасен, – продолжил древний. – Слишком безответственен, что при его силе – губительно. Мы пытались руководить, пытались учить, пытались сделать хоть что-то... Но Гаррат не Ирэнарн, он убийца, холодный, жестокий и немного безумный.

Я вспомнила взгляд перехватившего меня Владыки там, в лесу, когда я пыталась спасти Тихомира, и невольно поежилась.

– Ты понимаешь, о чем я, – оглянувшись через плечо, произнес Асур-Ррат.

– Ирэнарн говорил о чем-то подобном, – вспомнила я.

– Ирэнарн судит о брате по себе, в этом его огромная ошибка.

– Гаррат... не плохой, – все же сочла нужным сказать я. – Он быстро учится, он старается помочь, он...

Осеклась под внимательным взглядом древнего.

И все же повторила:

– Гаррат учится и меняется.

– Уверена? – поинтересовался Асур-Ррат.

В этих словах было что-то большее, чем просто вопрос. Мне вдруг показалось, что от моего ответа будет зависеть решение, причем какое-то судьбоносное решение, которое коснется всех, включая меня.

– Знаешь... – Древний на хвосте развернулся, сел ко мне пузиком, оперся об него локтем и, уместив голову на кулаке, задумчиво произнес. – Если Ирэнарн останется лишь Главнокомандующим, ты вполне сможешь стать для него чем-то больше, чем наири. Но если Черный дракон станет Владыкой уже окончательно, ему придется заключить союз с Горным народом, а это тот неизбежный брак с Гэндоран Ардиран, от которого всеми силами пытался отделаться Гаррат.

Он помолчал и добавил еще тише:

– Но Гаррат чудовище, Милада. Мне жаль, что ни ты, ни Ирэнарн не желаете увидеть это. И в то же время мне хочется верить, что, возможно, ошибаемся именно мы – Совет, а вы самым непостижимым образом правы. Так что ты скажешь, девочка, ты уверена, что Гаррат способен измениться?

– Да, – ответила я, не став добавлять, что просто искренне верю, что хорошее есть в каждом.

– Да... – растерянным эхом отозвался Красный дракон. А затем решительно сказал кому-то, кажется, другому: – Нет.

Золотые монеты вдруг задрожали, протестуя, негодуя и гневно, но Асур-Ррат вновь повторил:

– Я, как единственный неспящий, налагаю вето!

Монеты снова дрогнули и стихли.

Потрясенная, я едва дышала, сидя на ступеньке.

А вот древний, любовно проведя лапкой по монеткам, вновь посмотрел на меня и спросил в своем насмешливо-веселом стиле:

– Как там Крепость?

– Отстраивают заново... – отозвалась я. И тут же переспросила: – Что это сейчас было, Асур-Ррат?

– Это? – словно не понимая, о чем речь, переспросил он. – Это монетки. Хочешь парочку?

Отрицательно помотала головой, а затем тихо спросила:

– А вы можете узнать, как там Гаррат?

Хитрые глазки древнего чуть прищурились, широкая улыбка стала почти вызывающей, и дракон вдруг предложил:

– Ладно, пиши, отнесу ему записку.

Довольная, я подскочила с места и тут же села обратно.

– Что? – не понял Асур-Ррат.

Пришлось честно признаться:

– Все, что я напишу, может прочесть Главнокомандующий.

Вскинув чешуйчатую бровь, дракоша переспросил:

– Что?!

Повторять не стала.

Мрачный Асур-Ррат укоризненно глянул на меня, затем молча прошлепал ко мне же, снова одарил укоризненным взглядом, после обойдя, поднялся по ступеням наверх и осторожно, неожиданно осторожно приоткрыл люк.

Очень осторожно. После чего принялся чего-то выглядывать.

Кажется, догадавшаяся о происходящем, я чуть ли не ползком поднялась следом и тоже выглянула в щель между полом и крышкой люка. Взгляду частично предстали уже знакомые покои, в которых раньше находился Гаррат, и даже цепь присутствовала, но помимо нее в помещении обнаружилась многочисленная мебель, по большей части золоченая, две драконицы с бокалами в руках и легкими туниками вместо одежды, которые, как я подозреваю, были двумя половинами простыни еще несколько секунд назад, потому что обе драконицы даже замотать их не успели толком, лишь прикрылись и как-то шокированно смотрели на нас.

А потом откуда-то сверху, словно стоял он со стороны петель приоткрытого люка, показалась голова серебристого дракона. Черные, с серебристым зрачком глаза удивленно моргнули, и раздался не менее удивленный голос:

– Вкусняшка???

– Мм-м... – все, что смогла издать я, глядя то на Гаррата в драконьем облике, то на дракониц в человеческом.

Повисла неловкая пауза.

– Ну, раз уж мы убедились, что с вами все в порядке, то мы пойдем, – в конце концов заявил древний.

– Куда? – не понял Владыка.

– В более одетую компанию, – ехидно ответил ему Асур-Ррат.

Голова серебристого дракона повернулась к заметно смутившимся драконицам, Владыка недовольно цыкнул, затем у меня спросил:

– Ты как?

В смысле, я думаю, что у меня, не уверена, что его интересовал древний. Но древний так не думал.

– О, я замечательно, – радостно сообщил он. – Вчера хвост немного ломило, спина, сам понимаешь, в моем возрасте пошаливает, но в целом отлично, спасибо, что интересуетесь, Владыка.

Гаррат одарил его очень внимательным взглядом, после чего переступил люк, закрыв внушительным драконьим телом обзор на «неодетую компанию», лег на брюхо и, уложив голову так, что глаза его были максимально близко к просвету между люком и полом, спросил:

– Так как ты?

– Все хорошо, – заверила я. – Простите, что потревожила, просто...

– Ты просто переживала за меня, – улыбнулся дракон.

– Совсем немножко. – Я тоже улыбнулась.

– Ясно.

Гаррат смотрел на меня так, словно хотел запомнить каждую черточку моего лица и все выискивал что-то в моем облике, я, правда, не могла понять что.

– Я скучал, – вдруг произнес он так, что я сразу поверила.

Но говорить, что тоже скучала, не стала – прозвучало бы фальшиво. Просто после всего я была скорее рада, что в данный момент Гаррат находится подальше от меня и как минимум никого не обстреливает снежками, не сжигает, не гоняет, не оскорбляет и не левитирует. От всех этих мыслей почувствовала себя как-то неудобно, неловко и вообще сво-лочно.

– Как вы тут? – попыталась продолжить светскую беседу.

Но Гаррат, грустно глядя на меня, тихо повторил:

– Я безумно скучаю по тебе...

– Да что-то не заметно, – ехидно вставил древний.

Но я не обратила внимания на его реплику, глядя в полные тоски глаза Владыки, и, не удержавшись, спросила:

– Он надолго вас запер?

Губы дракона изогнулись в грустной усмешке, и Гаррат тихо ответил:

– Надеюсь – навсегда.

И устало опустил голову на лапы, все так же с тоской глядя на меня.

– Надеетесь? – переспросила потрясенно. – Но... почему?

Владыка отвел взгляд, затем вновь взглянул на меня и вы-

дохнул:

– Потому что я сжег бы тебя, не защити он твое хрупкое тело от пламени. Даже драконьего пламени. И потому что, заигравшись с грассами, я как-то не подумал, что в этот самый миг Воронир тебя убивает. Должен был бы подумать, а я наслаждался победой и властью над грассами, забыв про очевидное. Ирэнарн сказал правду – я не имею права смотреть на тебя после этого.

Я... я не знала, как реагировать.

– Прости... – выдохнул Гаррат.

Не знаю почему, но, протянув руку, коснулась чешуи на его морде. Только дотронулась, а не гладила, хорошо помня, чем закончилась попытка прикоснуться в прошлый раз. Гаррат прикрыл глаза и прижался головой к руке.

– Э-э, – раздалось рядом со мной.

И потом дальше, где-то в доме бабушки Осаи: «Милада, ты где?»

Нервно оглянувшись, я посмотрела на древнего, тот мрачно сообщил:

– Камали пришла. Нам пора.

Осторожно убрав ладонь от морды Гаррата, я уже хотела было отойти, но тут вспомнила:

– Может, вам книги принести, чтобы вы не скучали?

Дракон как-то странно на меня посмотрел.

– Он не скучает, – насмешливо уведомил меня древний.

– Скучаю! – неожиданно капризно возразил Владыка.

Улыбнувшись, спросила:

– Что принести?

И вот тут Гаррат задумчиво прикрыл глаза, словно размышлял, а затем практически приказал не мне – древнему:

– Мне нужна программа обучения Брони за первые три года.

– Брони?! – переспросил Асур-Ррат.

– Справишься? – подначил Владыка.

– Вам бы весь спецкурс Дипломатии Ветра пройти, – с нажимом ответил древний.

– А этого добра хватает, – отмахнулся Гаррат. – Ирэнарн прислал, и даже двух библиотекарей на случай, если мне еще чего понадобится... мм-м... – Дракон глянул на меня и добавил: – В плане там за литературой дополнительной слетать.

Я кивнула, решив, что лучше поверить ему на слово.

– Добудь мне программу Брони, – практически приказал Владыка древнему. Затем улыбнулся мне и прошептал: – Ты моя путеводная звезда, вкусняшечка, просто приходи – мозг очищается с одного твоего взгляда. Люблю...

И он закрыл лапой наш люк.

Мы с древним переглянулись.

– Не нравится мне все это, – задумчиво произнес Асур-Ррат. – Зачем ему курс Брони? Он не боевой дракон.

Почесал подбородок когтем и добавил:

– К тому же факультет боевиков закрыт даже для древних.

– А «Броня» – это что? – переспросила я, хотя уже, ка-

жется, догадалась даже.

– Простодраконье название военного училища, – отмахнулся Асур-Ррат. – Ну да ладно, сделаем, что можем. Чем бы дитя ни тешилось, да?

Я не ответила, но тоже задалась вопросом – а зачем это Гаррату?

* * *

Когда древний вновь приоткрыл люк сокровищницы, мы были уже в доме бабушки Осаи. Невероятно вкусно пахло пирожками и сдобой, слышались голоса и смех, а едва мы вышли из пустой кладовой, которую выделили под вход в сокровищницу древнего, я себя почувствовала как на рынке.

– Смотри, какие драконы! – воскликнула одна из моих тетей, разматывая рулон синей шелковой ткани.

– Лучший в мире атлас! – окутывая меня отрезом алой ткани, сообщила вторая.

– Прямо под цвет твоих глазок! – Третья накинула на голову отрез голубой мягкой ткани.

– Идем мерить платья, – хватая меня за руку и рывком высвобождая из пут шелка, атласа и бархата, сказала мама.

Следующие часа три я была куколкой.

На меня надевали то одно, то другое, то третье платье, под каждое шли традиционные для драконниц-девочек штанишки и из той же ткани, что и платье, тканевые туфельки на

кожаной подошве.

В какой-то момент я поняла, что являюсь самой младшей во всем роду, потому как мои сестры и братья из нового поколения еще не обзавелись потомством, поэтому меня было решено баловать. И меня баловали как могли – брошками, заколками, новыми платьями, заготовленными для пошива мантий тканями – сразу семи цветов, потому что никто, даже я, еще не знал, какое учебное заведение выберу.

В результате я стояла посреди зеркального зала, который стал зеркальным, потому что в него со всего дома зеркала притащили, в нежно-зеленом платье, не достигающем до колен, в туфельках из той же ткани, с букетиком золотых, украшенных россыпью недорогих самоцветов цветов в волосах и с желанием сбежать бы уже отсюда поскорее.

Но, к счастью, пришел Хатор и сказал:

– Всем ужинать.

Тети тут же засуетились, помогая маме сложить и рассортировать мою одежду, а вот я, глянув в окно и поняв, что уже вечер, поспешила на кухню за пирожками. В кухне, кроме Хатора, помешивающего соус, и древнего, задумчивоковыряющегося вилкой в разлегшейся на его тарелке жареной рыбе, никого не было.

– Эти с яблоками, – Хатор указал мне на большую корзину, одну из семи, находящихся на кухне.

– Шпашибо, – ухватив один и начав есть даже раньше, чем поблагодарила, сказала я. – А с мясом есть?

– Да, вон те, – указал папа на седьмую корзину.

Но когда я, подхватив со стола тарелку, пошла набирать себе пирожков, вдруг остановился, обернулся ко мне и сказал:

– А ты же с мясом не любишь.

– Я не шублю, – подтвердила с готовностью. И, прожевав остатки своего пирожка, пояснила: – Уже вечер, нужно снова Голода кормить.

– Пирожками? – недоверчиво переспросил древний.

– Нет, его – мясом, – ответила, набрав полную тарелку и раздумывая, хватит Черному дракону или нет.

– А-а, – глубокомысленно протянул Асур-Ррат. – То есть это ты пирожков набрала, чтобы из них мясо повыковыривать?

– Нет! – воскликнула я, возмущенная кощунственным предложением.

Просто из таких пирожков мясо не выковыривают, их проглатывают один за другим, не замечая, как они тают во рту, потому что Хатор готовил лучшие пирожки, похоже, не только в моей жизни. Но тут вдруг я поняла, на что намекал древний.

Медленно повернулась и посмотрела на папу. Дракон стоял, забыв о соусе и воинственно скрестив руки на груди. С поварешки воровато стекал соус, древний сидел, подперев голову кулаком, и тоже ждал моих оправданий.

– Мм-м... – сказала я и быстро стащила еще два пирожка

из соседней корзинки.

Не знаю, с чем они были, но пахли безумно вкусно.

Хатор отреагировал слегка приподнятой бровью, древний открыл было рот, собираясь что-то сказать, но затем закрыл, решив промолчать.

Я же поняла, что мне лично сказать придется хоть что-то.

Ну и сказала:

– А вдруг Главнокомандующий тоже голодный?

И тут у древнего отпала челюсть. Буквально. Клыки и во все звякнули об тарелку. А вот Хатор почему-то напрягся.

– А ему силы нужны, – вдохновенно продолжила я, – потому что Голод сейчас не совсем адекватный и Ирэнарну его держать приходится, чтобы он меня не съел.

Челюсть у древнего уже и так лежала на столе, теперь следом брякнулся язык и развернулся, как рулончик. Удивленно взглянув на это, поняла, что не язык – действительно рулончик бумаги, исписанный золотыми древнедраконьими буквами. Древний тоже понял, что потерял что-то важное, подхватил свиток, свернул с самым важным видом и глубокомысленно произнес:

– А силы-то нужны, да, а то, понимаешь ли, горы и Крепость опять крушить нечем будет.

– И дома, – почему-то вставил Хатор, – в очередной раз.

– И от эльфийки отбиваться, опять же, сила надобна, – язвительно заметил Асур-Ррат.

Я кивнула и согласилась:

– Эсфирель жалко очень.

– Чего ее жалеть? – хмыкнул древний. – Она сама кого хочешь пожалеть может, причем разными способами. Ты знаешь, эльфийские принцессы ее уровня с рождения вообще кого хочешь пожалеть могут.

– В смысле – убить из жалости, – пояснил для меня Хатор. Внезапно поняла, что вообще мало что знаю об эльфах.

– Оно ж как, – продолжил древний, – как дета-королевство наращивать мощь взялось, так все остальные длиннотухие королевства и смекнули – хорошая партия для брачного договора появилась. А у дета-эльфов пунктик – принц может жениться только на лучшей воительнице королевства, вот эльфийские короли и взялись готовить своих дочерей к нелегкой доле невесты для наследника. С малых лет готовить начинают. А этот дета-наследничек все никак выбор не сделает... уже лет двести. Итого – в эльфийских королевских дворах полно принцесс с навыками «убью ближнего быстро, качественно и недорого», на ежегодно объявляемых в дета-королевстве соревнованиях за сердце принца эти самые «нежные, хрупкие и подобные лилиям на ветру» принцесски бьют соперниц нещадно, давно переплюнув всех дета-воительниц, а принц активно проповедует безбрачие, намекая, что-де сердце его еще никто не покорил. Чую, донамекается он однажды, и подадут ему его сердце на блюбочке.

– Под гранатовым соусом, – мрачно добавил Хатор.

– Ага, – согласился древний. И продолжил: – Ну так вот, а

Эсфирель значит, в отличие от товарок по коронкам, с юности решила, что выйдет замуж за дракона, а на дета-наследника она плевать хотела. Но, судя по исчезновению некоторых наемников, похоже, тренировки не пропускала. Так что увидишь эльфийку – беги.

– И быстро, – подтвердил папа.

– И петляя, – добавил кто-то позади меня.

Обернулась – рядом с окном стоял Зэрнур, и, похоже, давно уже стоял. Выразительно посмотрев на меня и тарелку с пирожками в моих руках, укоризненно заметил:

– Гхарарг хорошо готовит, леди Милада.

Смутившись, неловко ответила:

– Я знаю.

Но тарелку отдавать никому не собиралась.

– Не нравится мне все это, – вдруг как-то со значением произнес Хатор.

– Да я тоже не в восторге, – в тон ему ответил Зэрнур. – Крепость восстанавливать нужно, у нас две делегации в столице сиднем сидят, а этот с драконоубийственной собачкой полдня возится, чтобы вот эта вот над трупом не рыдала.

Папа постоял, подумал. Потом пошел к шкафу, достал из нее корзинку, устлал дно салфетками, подошел ко мне, отобрал тарелку, ссыпал все в корзинку, наложил сверху еще в три раза больше, чем я взяла, второй салфеткой все закрыл и молча мне отдал.

Древний тоже сидеть не стал, спрыгнул со стула, засемя-

нил к пирожкам, выбрал один, подошел и протянул Зэрнуру.
– Что это? – с явным недоверием спросил Бронзовый дракон.

– Терпение, – сдал начинку древний.

Зэрнур достал золотую монетку, кинул мне, да так, что я едва поймала, – у меня же корзинка в руках была, после чего взял пирожок и, обреченно куснув, начал жевать.

– Еще парочку? – участливо поинтересовался Асур-Ррат.

– По обстоя... – начал было Зэрнур, но, мрачно глянув на меня, страдальчески ответил: – Не помешает.

Мне пришлось еще две монеты ловить, потом все отдавать древнему, который, критически осмотрев и опробовав на зуб каждую, унесся в свою сокровищницу.

А Зэрнур, дожевав пирожки, молча протянул мне телепортационный браслет.

– Возвращайся хотя бы к чаю, – сказал на прощание папа. Даже не знаю, разглядел ли он мой кивок.

* * *

Когда я перенеслась, несколько секунд стояла, озираясь и не понимая, куда вообще попала. Здесь повсюду на столах были реторты, колбы, ампулы и прочее. Приблизиться не рискнула, издали разглядев, что надписи на древнедраконьем, который не понимала совершенно, поэтому осталась стоять на месте.

Через минуту в двери вошел совершенно седой дракон, у которого абсолютно белыми оказались также брови и ресницы, глянул на меня несколько недоуменно, быстрым шагом подошел к шкафу, открыл, пробежавшись пальцами по этикеткам, спросил, не оборачиваясь:

– Ты не в курсе, какого цвета настой быстрогонника?

– Зеленый, – ответила не задумываясь.

– Ага, точно! – Дракон выудил нужную баночку, закрыл шкаф и ушел не прощаясь.

Я осталась стоять.

– Слушай, – раздался голос все того же белого, – найти спиртовой экстракт мирты сможешь? Шкаф тот же.

– Да, хорошо, – и я подошла к шкафу, перехватив корзинку другой рукой.

Отодвинув створку, вгляделась в баночки. Экстракт на водной основе зеленовато-желто-оранжевый, его нашла почти сразу, спиртовой – зеленовато-салатовый, его обнаружила, во-первых, потому что рядом был, во-вторых – тут название на драконьем дублировалось на древнеэльфийском, а он у нас шел как основной мертвый язык, так что его я частично знала.

– Нашла! – крикнула дракону.

– Тащи сюда, – приказал он.

Осторожно взяв баночку, пошла на голос и из лаборатории вышла в узкий темный коридор, все освещение которого составлял свет из одной-единственной открытой двери. К

ней и направилась.

Но стоило войти, я остановилась, потрясенно уставившись на плесень. Черную плесень! Которая, пребывая в человеческом облике, с энтузиазмом ассистировала белому дракону в изготовлении чего-то синего, бурлящего в реторте на столе.

– Чего стоишь? – грубовато спросил дракон. – Давай сюда настойку.

Осторожно, по дуге обойдя плесень в человеческой форме, приблизилась к дракону, протянула баночку. Тот, схватив, извлек стерильную пипетку и принялся отмерять нужное ему количество капель. Я же, не выдержав, осторожно спросила:

– Прошу прощения за вопрос, уважаемый халоне...

– Ир-хан, – поправил меня дракон, с ходу недвусмысленно намекнув, что никакой он не обычный дракон, а целый боевой.

– Уважаемый ир-хан, – тут же исправилась я. – Простите, а вы не знаете где ир-хан Главнокомандующий?

– Правящий наш? – не отрываясь от процесса подсчета капель, переспросил белый дракон. – Он пошел мыться и переодеваться, ты же сейчас придешь.

Тут на меня подняли несколько удивленный взгляд, и дракон отрешенно заметил:

– А, ты уже пришла.

– Ну да... – Мне почему-то стало неловко.

– А, ну раз пришла, сгоняй еще за спиртом, он все там же, четвертый шкаф от входа, нижняя полка.

Не возражая, снова по дуге обошла плесневое создание, которое орудовало с колбами, отрастив себе еще две дополнительные руки, и выглядело жутко.

Оставила корзинку на пустом столике у входа и пошла за спиртом. Как оказалось – руки освободила не зря, потому как спирт хранился не в колбах, а стеклянных жбанах с полведра размером.

И вот я иду обратно, осторожно ступая и крепко прижимая к себе спирт в стеклянном сосуде, выхожу в коридор и только каким-то чудом не врезаюсь в стоящего там же Главнокомандующего, который, видимо думая, что я нахожусь все еще в том же помещении, стоял в полумраке и спешно застегивал пуговицы на мундире.

– Госпожа Радович? – удивился моему появлению дракон.

– Ир-хан Главнокомандующий, – нервно поздоровалась я, вдруг подумав, а как мои передвижения с колбой спирта выглядят со стороны.

Как оказалось – выглядели двусмысленно.

– Снова меня обворовываете? – поинтересовался Ир-энарн.

– Ну, вы знаете, это такое дело...

– В процессе которогоходишь во вкус? – сверкнув улыбкой, предположил он.

– Примерно. – Я тоже улыбнулась.

– Спийиирт! – страдальчески возопил белый дракон из соседнего помещения.

– Простите, – осторожно обходя Главнокомандующего, извинилась я.

Ирэнарн уйти не позволил – молча одной рукой отобрал у меня стеклянную тару и пошел относить белому. Уже оттуда до меня донеслось:

– Хартэнган ит эреннта.

– Да что тут тяжелого, бабы в деревне по два ведра воды зараз таскают и не жалуются!

– Эт ша! – прозвучало пугающе и грозно.

Но, похоже, никого не испугало, потому как собеседник Черного дракона язвительно ответил:

– А корзинка, которую она вам приволокла, не легче будет.

Секундная пауза – и покаянное от белого дракона:

– Прошу простить меня, ир-хан Главнокомандующий.

Когда Ирэнарн вышел в коридор, неся мою корзинку с его пирожками, в коридоре стало сумрачно и мрачно, а раньше было просто темно.

– Идемте, госпожа Радович, – официально предложили мне, указав рукой направление вперед.

Я обошла Черного дракона и, осторожно ступая в крошечную тьму, заметила:

– У вас там плесневый человек.

– Нет, – мгновенно ответили мне. – Это колония Арха,

для удобства работы с Нериг-Рратом она принимает человекоподобный облик, изменяясь в зависимости от ситуации.

Оступившись, я была благопристойно поддержана, после чего, возобновив путь, все же спросила:

– К-к-колония?

– Да, общность, связанная родством, интересами, способностью создавать коллективный разум. На данный момент в Броне их шесть, но Нериг-Ррат полагает, что вскоре отделится часть от колонии Гема, у них ярко выраженные воинственные наклонности, и они собираются лоббировать интересы белых грибов в эльфийских лесах.

– Что?! – Я остановилась как вкопанная.

– Белые грибы, – невозмутимо пояснил Ирэнарн, – с некоторых пор находятся под угрозой исчезновения, так как после распространения слухов об их повышающих... мм-м... некоторые возможности свойствах подвергаются массовой вырезке. Колония Гема выразила обеспокоенность положением дел и совместно с Эмир-Эсхаратом разработала стратегию развития гена, который позволит грибам предпринимать конспирологические действия как минимум, как максимум – сбегать с места базирования основной грибницы.

Представила себе ошалевшие лица грибников, от которых массово сбегают грибы...

– Интересный проект, – продолжил Главнокомандующий, – мы со своей стороны решили допустить колонию Гема к знаниям о тактике и стратегии ведения войн на выжи-

вание.

В моем воображении ошалелое выражение лиц грибников сменилось на испуганное, потому что грибы, применив тактику заманивания противника в глубь леса путем убегания, развернулись, похватав сучки, палочки, иголки и прочего вида оружие и ринулись на несчастных.

– Бедные грибники... – только и сказала я.

– Но если ничего не предпринять в течение трех лет, белые грибы исчезнут как вид, – сообщил Главнокомандующий. – Направо.

И я послушно свернула, хотя вообще не видела, куда иду.

Но стоило только войти, как огонь, искрами возникший у двери там, куда я ступила ногой, разбежался по стенам, полу и потолку, оставляя после себя десятки зажженных факелов, в свете которых я увидела поднявшегося с лежанки грасса, радостно завилявшего хвостом при моем появлении.

– Можете подходить смело, пес уже полностью в сознании, – сказал Ирэнарн.

И я бросилась к грассу, радостно обняла тощего, почему-то отлично видимого и очень сильно обрадовавшегося мне Голода, и не сразу заметила куски мяса, оставшиеся на блюде возле лежанки. А увидев, удивленно перевела взгляд на Черного дракона, устроившегося на единственном тут стуле и задумчиво осматривающего содержимое корзинки. При виде изобилия пирожков про меня, кажется, временно забыли.

Но как оказалось, впечатление было ошибочно, потому как, продолжая разглядывать изделия из теста, Ирэнарн невозмутимо ответил:

– Да, ваша помощь ему больше не требуется, но раз уж вы все равно планировали прийти... – И дракон с явным трудом подавил усмешку.

Все так же продолжая смотреть исключительно на пирожки.

– Я поняла, – произнесла спустя долгую паузу, погладив грасса, устроившего голову у меня на коленях, – это был продуманный план по заманиванию меня с пирожками в Броню.

– Именно так, – на меня подняли веселый наглый взгляд, – все это было исключительно ради пирожков.

– А вы коварный! – воскликнула я.

– Рад, что вы, наконец, это поняли, – парировал Ирэнарн, выудив один из пирожков и добавив: – Приятно, что часть из них вы отбирали для меня лично.

И если после его первой фразы я еще хотела хоть как-то ответить, то после второй принялась делать вид, что очень увлечена поглаживанием Голода и вообще ничего не слышала.

Но дракон лишил меня и этого прикрытия, весело поинтересовавшись:

– Голод, пирожки будешь?

Мой верный грасс умчался в ту же секунду.

И нетерпеливо присел перед драконом, который принялся

сортировать пирожки со словами:

– Это от Милады, – пирожки «от меня» отправлялись на одну салфетку, которая располагалась на коленях Ирэнарна, – это от Хатора, – вторые отдавались на съедение Голоду.

Почти все, так как парочку Главнокомандующий все же оставил себе, после все отложенное ссыпал в корзину и, поднявшись, объявил:

– Ну все, пошли.

– Куда? – настороженно спросила я, все еще сидя на лежанке.

– Нужно обсудить тяжелейшее состояние находящегося на грани выживания грасса, – совершенно спокойно пояснил дракон.

«Находящийся на грани выживания» подавился очередным пирожком и, повернув голову, недоуменно посмотрел на Главнокомандующего.

– Очень тяжелое состояние, – продолжил вдохновенно врать Ирэнарн.

Голод, с трудом проглотив пирожок, нервно закашлялся.

– Воды попей, – посоветовал ему дракон.

И оторопевшей мне:

– Мы идем или ты его так умирать оставишь?

Грасс метнул на меня испуганный взгляд.

– Это была шутка, – поднимаясь, успокоила его я.

– Что-то вроде этого, – не стал возражать Ирэнарн. И уже совершенно серьезно приказал грассу: – Поешь и спать. По

Броне не ходить, для восстановления способности к невидимости требуется не менее двадцати часов сна.

Голод угрюмо кивнул и снова принялся за пирожки.

А мы с драконом вышли в крошечную тьму.

Затем Ирэнарн взял меня за руку и уверенно повел за собой, решительно двигаясь вперед, потом вниз, вниз, вниз, снова вперед, туда, где я уже ничего не видела вообще.

– Тебя понести? – неожиданно остановившись, спросил Главнокомандующий.

– Думаю – не стоит, – осторожно отказалась я.

– Почему же? – насмешливо спросил дракон.

Я не была уверена, что нужно отвечать на этот вопрос, но все же сказала:

– Потому что не стоит.

– И все же – почему? – Мне казалось, что я точно вижу улыбку Ирэнарна.

– Да потому что непонятно, как вы на любое неосторожное прикосновение отреагируете! – в сердцах ответила я.

И рука, держащая мою ладонь похолодела. Не дрогнула, не сжала мою руку, не отреагировала никак, только прикосновение вдруг из теплого и полного света стало темным и холодным.

– Я вас обидела? – слова вырвались сами, а я на шаг ближе подошла к остановившемуся дракону.

– Обидела? – переспросил он. И тут же ответил: – Нет.

И дракон резко свернул, утягивая меня за собой.

Только на этот раз он шел не в пример быстрее, уже не подстраиваясь под мои шаги и словно размышляя о чем-то, что неизменно погружало и так царящую вокруг темноту в какой-то жуткий, беспросветный мрак. И мы спускались все ниже и ниже, а внутри становилось холоднее и холоднее.

– Милада, вы когда-нибудь испытывали голод? – вдруг тихо спросил Главнокомандующий, начав снова идти медленнее.

– Да, – ответила испуганным шепотом.

– Дикий, неистовый, разрывающий душу на части голод, – продолжил дракон.

Душу от голода не разрывает, это я точно знала. От противоречий – да, от ощущения дикой несправедливости – тоже, но от голода...

– Вы ведь не голод испытываете, – едва слышно проговорила я.

Ирэнарн остановился на одно мгновение, но затем вновь продолжил путь. Молча.

Безропотно следуя за ним, я ощущала наползающий из темноты холод и, стараясь отвлечься от ощущения замерзания, спросила:

– Куда мы идем?

– Почти пришли, – резко ответил дракон.

И следующий мой шаг запустил ту разошедшуюся по пространству кромку огня, что я уже видела в помещении, где содержали Голода... только здесь пламя разбежалось синим

огненным мерцанием, как на подожженном спирте, и осталось сиять на стенах, подсвечивая ледяные сталактиты и объемные ледяные скульптуры... одну за другой, изображающие девушку, судя по глазам – дракона, и ее же, только в драконьей ипостаси.

– Лед, – произнес Ирэнарн, – та грань стихии воды, что нам не подвластна.

Он оглянулся на меня, затем решительно снял с себя мундир и, укутав меня, прошел вперед, вернувшись к рассказу:

– Огонь мы контролируем едва ли не с рождения, с камнем учимся работать еще в детстве, любой металл осваиваем в юности, но лед...

Я осторожно ступала за драконом, в изумлении оглядываясь по сторонам, и остановилась, увидев уродливые полурастопленные статуи из непрозрачного льда.

– Боевые драконы, не прошедшие испытание льдом, никогда не получают руководящих должностей, – проследив за моим взглядом, сообщил Ирэнарн. – Это испытание можно попытаться пройти повторно, но те, кто достиг положения сотника, тысячника, десятитысячника, подвергаются испытанию льдом ежегодно.

И Черный дракон отправился дальше, недвусмысленно предложив идти за собой.

Я шла. По застывшим потекам некогда воды, переступая через фигуры, наполовину созданные из льда, а частично из металла, и кажется, догадывалась, что те, кто не был спосо-

бен управляться со льдом, невольно вплетали в скульптуру ту стихию, что была ближе и послушнее. Спустя некоторое время заметила, что скульптуры не были той, одной девушкой, они все были разные. Девушки разные.

– Почему здесь везде драконицы? – спросила едва слышно.

Но эхо разнесло мой голос по пещере, отразившись от скал.

– Женщины – это то, что заставляет терять контроль. – Ирэнарн ждал меня впереди, рядом с фигурой, полностью созданной из железа.

Но даже издали я вдруг поняла – это я.

Я, в момент, когда прижала его ладонь к себе.

И я остановилась.

А затем заметила и то, чего не увидела сразу – рядом с десятком искусно выполненных ледяных скульптур, расположены две из оплавленного, искореженного льда.

– Это, – дракон указал на ровный ряд скульптур, – созданные до того, как я узнал тебя. Мои ежегодные с успехом пройденные испытания. – А это, – он недовольно поджал губы, глядя на искореженную, – то, что попытался создать в ночь, когда отдал тебя Камали.

Я продолжала стоять там же, где остановилась, нервно обняв себя за плечи, глядя на Черного дракона и боясь задать вопрос. Вопрос, который он, несомненно, ждал. Я отчетливо видела это ожидание в его глазах.

И потому заставила себя спросить:

– Что вы хотите мне сказать этим, ир-хан?

– Многое, – серебристо-зеленые глаза сверкали в полумраке. – Очень многое. Но мне интересно, что поняла ты.

Я робко огляделась по кругу, затем вновь посмотрела на идеальные скульптуры, созданные, похоже, самим Главномомандующим, затем на искореженные, и, вновь посмотрев на дракона, прошептала помертвевшими губами:

– Что, если вы не возьмете под контроль свои чувства, вы потеряете власть.

Мой ответ вызвал усмешку, странную, грустную, злую.

– Не потеряете? – спросила практически с надеждой.

– Я не могу потерять власть, я – Правящий дракон. – Ирэнарн, оставивший где-то корзинку с пирожками, медленно направился ко мне, безжалостно давя осколки льда. – Меня могут не допустить к правлению во время боевых действий, но и только. В целом же я пользуюсь слишком большим кредитом доверия, Милада, чтобы утратить его всего лишь из-за проваленного испытания льдом.

Говоря все это, дракон подходил все ближе и ближе, пока не оказался стоящим возле меня, близко настолько, что, делая вдох, я ощущала прикосновение к его телу.

– Я хотел, чтобы ты поняла, – Ирэнарн мягко провел пальцами по моей щеке, – что в любой момент, в любую секунду, в любых даже не зависящих от тебя обстоятельствах я могу сорваться и присвоить тебя себе!

Вздрогнув всем телом, я удивленно прошептала:

– 3-3-зачем вы мне это говорите?

Дракон, склонившийся было ко мне, мягко выпрямился, холодно взглянул на меня и произнес:

– Чтобы ты перестала бояться любых неосторожных прикосновений.

Помолчал и добавил:

– Чтобы избежать бесконечных рекой льющихся слез.

Ослепительно вспыхнул портал.

* * *

Мы перенеслись на берег озера, спокойного и потому гладкого, как стекло, словно его поверхности не касался ни малейший ветерок. По берегам росли ивы, камыш, ближе к месту, на котором очутились мы, цвели удивительные, светящиеся в полумраке сгущающихся сумерек кувшинки и лилии.

Черный дракон молча сел на траву, разместив сбоку от себя вновь появившуюся корзинку с пирожками, я осталась неловко стоять, переминаясь и зябко кутаясь в мундир, который был мне неимоверно велик. И смотрела я на кувшинки и лилии исключительно.

– Ты должна знать, – просто сказал Ирэнарн спустя долгое молчание.

Почему-то на глаза навернулись слезы.

– И с моей стороны было бы бесчестным скрыть это, – значительно тише добавил дракон.

Я обернулась, вопросительно посмотрев на него.

Главнокомандующий спокойно встретил мой взгляд и продолжил:

– Я Правящий дракон, Милада, моей главной обязанностью является смотреть правде в лицо, не позволяя себе обманываться надеждами и домыслами.

Он помолчал, жадно разглядывая меня, и добавил:

– Я гнал эти мысли два месяца. Просто старался не думать. Не вспоминать. Не представлять...

Секундная пауза – и хриплое:

– Но ощущение твоего тела под моей рукой... Запах твоих волос... Твои сияющие глаза... Твои приоткрытые губы... И если это не голод, тогда я не знаю что.

Он сидел, опираясь локтями о согнутые колени, и просто смотрел на меня. Нет, не просто – внимательно, жадно отслеживая каждое движение, любую эмоцию, и даже то, как появившийся ветерок шевелит прядь моих волос. Я нервно заправила ее за ухо, ощущая себя... едой! Просто едой! Которая в ужасе стоит перед звереющим от голода хищником! И казалось, от того, чтобы наброситься на меня, его отделяет только какая-то невидимая, призрачная и совершенно не зависящая от меня грань... очень тонкая... уже почти не существующая...

– Полагаю, самое время вернуть тебя новообретенной се-

мье, – хрипло выговорил Ирэнарн.

Вспышка.

* * *

Я очутилась в собственной комнате, среди недосложенных в шкаф новых нарядов, в метре от нагромождения туфель, в шаге от чего-то, что пугало, пугало до безумия, и в то же время... Я растерянно посмотрела на свою левую руку, почти физически ощущая тепло ладони Ирэнарна...

Внезапно раздался знакомый звук пришедшего сообщения. Растерянно оглядевшись, увидела возникший на столе тот самый блокнот. В нем прозвенело оповещение о втором сообщении.

Все так же придерживая наброшенный на плечи мундир, осторожно подошла к столу, открыла блокнот и прочла:

«Я говорил с ректором Академии Ветра. Он склоняется к выводам, сделанным ранее и мной: ты человек, и, несмотря на вхождение в род Кириито, остаешься человеком, что вряд ли сделает твое обучение в престижных учебных заведениях Долины простым и комфортным».

Не привыкать, безразлично подумала я.

Но дракон продолжил, явно не собираясь принимать во внимание какие-либо возражения:

«Я пришлю учебные планы человеческих магических высших учебных заведений – выберешь. Вопрос о твоём по-

ступлении решу сам. Диплом любой из наших академий сможешь получить, сдав выпускные экзамены».

Опустившись на стул, сообразила, что на мне все еще мундир Главнокомандующего. Осторожно сняв, повесила на спинку стула и, подумав, написала:

«Может, мне стоит продолжить обучение в Любережском университете?»

«Не лучшая идея», – последовал мгновенный ответ.

Спустя минутное молчание Ирэнарн добавил:

«Обнаруженный тобой мишник – не единственное имеющееся там ядовитое средство. Плюс – Любережский университет полностью подконтролен Ворониру».

Я размышляла недолго, прежде чем написать:

«Не только Любережский...»

«Но именно в нем обучение отличается особой спецификой», – резонно заметил дракон.

На это возразить было нечем.

«Я разберусь, – продолжил Ирэнарн, – максимально щадящим образом».

И я поняла, что Любережь сжигать никто не будет, что очень радовало. Не то чтобы это был самый лучший университет в мире, но все же...

И, тут я вспомнила о самом лучшем! Действительно самом лучшем магическом университете во всех человеческих королевствах – Университете Стихийных Сил!

И схватив карандаш, я стремительно написала:

«Есть ли у меня возможность поступить к магистру Валентайну?»

Просто это было бы удачей, гораздо большей, чем поступление в любое из учебных заведений в Долине драконов. УСС – мечта, практически несбыточная для большинства из нас – просто добраться до него было практически невозможно, а конкурс составлял более ста человек на место. Потому что из университета стихийников выходили самые сильные маги. Наиболее обученные, подготовленные ко всему, выживающие в любых условиях. И при этом его заканчивали все поступившие, практически без исключений. В смысле, никого не исключали. Вообще. Именно поэтому поступление в Университет Стихийных Сил, или, как его проще называли, Университет Стихий, было счастьем, и да – там не было студентов-платников. Вообще. Но меня подкупало не это, а сказанное магистром Валентайном: «Мне жаль всех моих студентов. И я твердо убежден, что каждый из них достоин лучшей участи, чем стать расходным материалом в драконьем расследовании».

И потому я с замиранием сердца смотрела в блокнот, ожидая ответа Черного дракона.

Ждать пришлось довольно долго. Ко мне заглянул древний, смерил взглядом, спросил:

– Ты скоро?

Неопределенно кивнула в ответ.

И тут в блокноте появилась запись:

«Залечу завтра утром. Оденься по-человечески».

Я не совсем поняла, и, видимо, догадавшийся дракон до-
бавил:

«В обычное человеческое платье. Не облегающее. Не короткое. С закрытыми руками и шеей. Лучше мантию».

А затем в блокноте мелькнула запись:

«Хочу обнять тебя крепко-крепко и никогда не отпустить...»

Но эта запись пропала столь стремительно, что я даже не была до конца уверена, не привиделась ли она мне.

* * *

Когда я, наконец, пришла к ужину, за столом оставались только Камали, Хатор, бабушка Осаи и древний. Похоже, меня терпеливо ждали. Причем не только они, но и запеченная в листьях рыба.

– Как псинка? – начала допрос бабушка Осаи.

– На данный момент лишился возможности мимикрировать под окружающую обстановку и потому видимый, но в целом намного лучше и уже даже ест сам, – с улыбкой ответила я и села за стол.

– Неужели? – как-то язвительно поинтересовался древний.

Я, уже активно жующая, с удивлением взглянула на дракошу, но тот, делая вид, что старательно рассматривает ког-

ти на собственной лапе, ни на что вроде как не намекая, протянул:

– То есть твое присутствие, как я понимаю, для вечернего кормления вовсе не требовалось. – Быстрый взгляд на меня – и проникновенное: – Я прав?

Вдруг почувствовала, что краснею. Не совсем, правда, поняла от чего...

– А то знаешь, я как-то не сразу проанализировал слова Бронзового, но потом дошло – четыре часа Главнокомандующий убил на псинку и не избавил от чар? Это было бы странно. Особенно если учесть способности боевых драконов и этого конкретного в частности.

И все посмотрели на меня. Вопросительно и явно ожидая подробного изложения всего произошедшего.

Я с трудом проглотила пережевываемое. Запила все соком и бодро отчиталась:

– Сначала я отнесла одному дракону экстракт мирта, потом приволокла полведра спирта, потом появился Главнокомандующий, мы сходили покормили грасса, потом была пещера, следом озеро, затем я вернулась, и мы в письменной форме обсудили мое поступление в Университет Стихийных Сил. Завтра собеседование с магистром Валентайном. Мне нужна мантия и человеческое платье. Я очень голодная.

Семья начала молча переглядываться, я старательно ела. Действительно была очень голодной, и в целом, кажется, это был единственный способ избежать более подробных рас-

спросов, потому что говорить о том, что так явно продемонстрировал Ирэнарн, я не собиралась. Не хотела маму расстраивать. И надеялась выкрутиться. Еще не знаю как, но как-нибудь... И еще очень не хотелось во все это верить. Просто не хотелось.

И как-то вдруг вспомнилась фраза из лекции профессора Иваса: «Очень часто проблема заключается в том, что мы игнорируем степень ее опасности».

И слова Черного дракона: «Я Правящий дракон, Милада, моей главной обязанностью является смотреть правде в лицо, не позволяя себе обманываться надеждами и домыслами».

Перестала жевать. Посидела, подумала. Вообще, лекция профессора Иваса относилась к теме: «Методы выживания на активированных древних захоронениях», и вышеуказанные слова относились к тому, что нужно было четко понимать, с чем имеешь дело – просто с поднятым кладбищем полуразлагающихся трупов или с индивидами вроде упырей, гулей, выморхов и прочих. Потому что последние двигаются раз в двадцать быстрее первых и имеют большую склонность к убийству магов, в отличие от поднятых мертвых, которые всего лишь хотят выгрызть твой мозг и прочее.

– Милада? – позвала мама.

К слову, лекция читалась как раз таки на этом самом поднятом кладбище, где мы все сидели, забившись в древний склеп, и жадно внимали профессору, потому что слушать его

было гораздо приятнее, чем скрежет когтей гулей по стенам и их же яростный вой, когда они осознали, что столь вкусная добыча остается в полной недосыгаемости. К моменту как появились, наконец, профессора и магистр Аттинур, гули успели разобрать родовой склеп герцогов Верийских наполовину, по поводу чего ректор впоследствии имел неприятный разговор с королем, а мы навсегда запомнили, что три ржавых ножа в девятой от входа безымянной могиле – это не к добру, даже если повсюду валяются черепки разбитых горшков, а посуда, как всем известно, разбивается исключительно к счастью.

– Ты о чем задумалась? – спросил Хатор.

– О кладбище, – отмахнулась я.

И снова принялась есть, пытаюсь понять, с чего я вообще вспомнила об этом кладбище. И о лекции. И о том, что «очень часто проблема заключается в том, что мы игнорируем степень ее опасности».

– О каком это кладбище? – встревожилась бабушка Осаи.

– На первом курсе был практикум по некромантике, – все так же отстраненно ответила я.

Просто не могла понять, почему вдруг появилось нехорошее предчувствие. Очень нехорошее. Просто появилось, и все. Откуда?

– Тебя если что тревожит, ты скажи, – неожиданно серьезно произнес древний.

– Не знаю, что тревожит, – честно призналась я. – Мысль

какая-то промелькнула сейчас, как бы намеком, я все не могу понять какая. И кладбище это с чего вдруг вспомнилось? Может, потому, что у ректора Валентайна никто студентов на растерзание гулям не бросает? Но в таком случае воспоминание должно было бы вызвать спокойствие, а мне, напротив, тревожно стало.

Моя новая семья промолчала, давая мне возможность продолжить, но продолжать было нечем и не о чем. Я сама не могла понять, откуда вдруг такая тревожность нахлынула.

– Так, значит, мантия на завтра нужна? – спросила мама. – И платье?

Я кивнула, все еще раздумывая о своем.

* * *

Ночью мне приснился Призрачный ямщик. Он устроился почему-то на ступеньках возле трона, а рядом с ним, угрюмо сгорбившись, сидел наш король Умарх Третий, с криво повисшей на лысой голове короной, и жаловался, жаловался, жаловался призраку. Ямщик понуро слушал, но, судя по выражению его призрачного лица, уже очень хотел сменить место обитания.

– Такой человек был, ты понимаешь – такой человек, – жаловался король. – И такая смерть... По кускам привезли. Представляешь? По кускам.

– Да, хороший был мужик, – замогильным голосом под-

твердил призрак.

– И по кускам... – Король всхлипнул. – И кто, вот скажи мне?

– Так псы эти призрачные, намереди вам донесение было, – напомнил Ямщик.

– Псы! – король горько усмехнулся. – Псы хоть и животные, а перепись провели, налоги исправно платят, территорию проживания обозначили, под королевскую присягу пошли. А ты говоришь, псы! Не могли грассы, я с их вожаком в шахи тут вот, прямо тут играл, и знаешь что – Ухр выиграл. У меня. Пес! Представляешь?!

Помолчал и добавил понуро:

– Не могли грассы... Кто-то из своих это был, кто-то из магов, как не сам Воронир. Я ж не дурак, я же, знаешь, задом чую, проворачивают что-то. За моей спиной проворачивают. Сам посуди – пограничная застава на южном тракте выгорела дотла – ни записей, ни людей не осталось. А ведь до того десятник Тессорду прислал сообщение: «Магов сюда, срочно!» Значит, случилось что-то, что-то гиблое, иначе к Энроэ сообщение бы пошло. Дальше смотри. – Король, забывшись, хотел ударить по колену собеседника, привлекая внимание, но рука прошла насквозь. Умарх крикнул досадливо и продолжил: – Тессорд и маги его где были убиты? В четырех верстах от начала государева пути. А значит, они на пограничной заставе, почитай, полдня провели – что там было? Что нашли? Почему ни вороны, ни почтовые голуби

не долетают?! А я тебе скажу – маги скрывают что-то!

Король растер лицо ладонями, пальцы с кольцами запутались в бороде, он их с трудом высвободил и продолжил:

– Я как на печи раскаленной сижу, веришь? С одной стороны, рвут на части эльфы, наши-то грабят их, то территорию Заповедного леса пересекли, то еще что! С другой – хутары эти! Вот ты мне скажи – что произошло? Договор был? Был! С атаманом по рукам ударили, сам ездил, лично. А тут вдруг раз – и нет хутарской княжны? Где, куда, как? Атаман Костицкий все договоренности разорвал, заявил: «С государством, полным мертвяков, дел иметь не будем», и всем посольством назад вернулись, и даже княжну, заметь, искать не стали, стало быть, сами они ее и спрятали. А мне как теперь? Двое надежных людей было – Энроэ и Тессорд. Мага больше нет, а Энроэ...

– Совсем помешался? – участливо спросил призрак.

– Совсем, – уныло подтвердил король. – Сам видишь – второй заговор у нас, а этот за девкой своей по всему Горлумскому лесу мотается.

Раздался тихий стук, приоткрылась дверь, и вошел мужчина, которого я уже знала: тот, который изменил мое вино на ужине с лордом Энроэ и предупредил про лес.

– Торн? – вскинулся король. – Чего тебе?

Вошедший прикрыл за собой дверь и сообщил:

– Нашли еще четыре кольца.

Умарх Третий, глухо и с отчаянием простонав, спросил:

– Тоже замаскированные под перстни с камнем Правды?

– Нет, – сухо ответил Торн. – Два были обручальными, один перстень с изумрудом, последнее с неприметным топазом. Идентифицировались как простые украшения, но реакция у подопытных заключенных одна – проявление крайней агрессии. Опасное даже у простых людей.

Король посмотрел на Торна, затем на свои руки и начал остервенело срывать кольца. Все.

– Указ о запрете ношения украшений уже готов, – сказал Торн.

– Неси, – глухо отозвался правитель Любережи, – подпишу.

И я проснулась.

* * *

Некоторое время просто лежала, глядя в потолок и потрясенно думая о том, что только что увидела и услышала.

Итак – король узнал о гибели магистра Тессорда. При воспоминании о боевом маге и его жуткой смерти на глаза наворачивались слезы... Смахнула, не задумываясь, потому что подумать было о чем. К примеру, о том, что, похоже, информация о мертвых деревнях теперь имела только у меня. Причем действительно у меня – плащ к концу нашего семейного чаепития принес Зэрнур, карта была в кармане. Но сейчас, после увиденного, я сидела и думала – а кому ее от-

дать?! Королю, от которого, похоже, скрывают факт того, что население его королевства практически уничтожают мертвяки, или магистру Аттинуру... и неизвестно, что тогда с картой будет дальше.

И что мне делать?!

Я села, затем соскользнула с постели, стараясь не произвести ни малейшего шума.

Осторожно подошла к окну, приоткрыла деревянные створки – на дворе была ночь. Время где-то около двух-трех, самое темное время. Неудивительно, что я увидела во сне Призрачного ямщика – это время его силы, вот он и передал свое видение мне через такое расстояние. Словно предупредить хотел. О чем? Видимо, о том, что лорд-дознаватель Энроэ меня ищет. Но сейчас совсем другое взволновало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.